

Роман Борин

Командор Кощей

Книга первая

Роман Борин

Командор Кощей. Книга первая

«Издательские решения»

Борин Р.

Командор Кощей. Книга первая / Р. Борин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748798-0

Спустя примерно 3000 лет после Великой катастрофы, которая смела с лица Земли великую культуру исполинов, в районе современных Алтайских гор на усыпанной пеплом и залитой Потопом территории снова поднялась человеческая цивилизация... Её потомками стали мы — современные люди, этносы, нации, государства.

ISBN 978-5-44-748798-0

© Борин Р.
© Издательские решения

Содержание

Однажды	6
Пролог	7
Глава первая. Находка Иванасия	9
Степь Отрантурийская	10
Встреча у Чёрной горы	15
Избушка Бабы Яги	17
Глава вторая. Послание от Бати	22
Глава третья. Опасный гость	27
Пироги от Бабки Ёжки	28
Незваные гости	33
Глава четвёртая. Таинственный мститель	37
Страна Отрантурия	38
Предрассветный набег	44
Говорящие драконы	48
Глава пятая. Сговор	50
Братья заговорщики	51
Коварный план Дарсина	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Командор Кощей
Книга первая
Роман Борин

© Роман Борин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Однажды

с хорошо известной нам планеты полностью исчезла целая страна...

Впрочем, не будем забежать вперед. Тем более что к падению хорошо известного нам всем Советского Союза история этой великой страны никакого отношения не имеет. Разве что кое-какие мелкие артефакты, едва напоминающие о жизни в той загадочной стране, на территории бывшего СССР сохранились тоже.

Но исчезла эта страна, во-первых, не формально, как Союз Советских социалистических республик, а физически, почти со всем её населением и культурными ценностями. А во-вторых, произошло это столь печальное событие ещё в ту пору, когда даже не то что Греции – Египта не существовало. Ибо катастрофа, погубившая великую страну наших обитателей с другими народами предков, произошла задолго до описанного в Библии Великого Потопа...

Это присказка, не сказка. Сказка будет впереди

Пролог

Сначала была огромная страна. Настолько огромная, что другим странам в мире места не оставалось. Она жила одна, одним большим народом. И был в ходу в этой стране всего один язык. Все в этой стране, от мала до велика, общались меж собой на том едином языке.

Хорошо они жили, просто: никаких межъязыковых барьеров, никаких международных распрей. Даже имени эта страна в ту счастливую пору не имела. Лишь спустя эпохи её назвали Отрантурией. И не её даже, во всяком случае не ту древнюю страну единого народа. Отрантурия фактически являлась всего лишь маленьким осколком той грандиозной державы – единственной в мире, всепланетной, по-волшебному могучей. Граждане же Отрантурии были всего лишь потомками тех, кто когда-то процветал на планете единым народом. Потомками жалкими, переродившимися, не перенявшими от дальних предков ни красоты особой, ни ума, ни даже веры. По крайней мере в то, что возвышало над планетой великий дух прародителей, указывало им дорогу во Вселенную.

А та страна... О! В ту пору так она и называлась – Страна. Или даже ещё ярче – СТРА-На. Потому что все этой страной гордились. И всегда хотели подчеркнуть, что они живут не где-нибудь, а на СТРА. То есть на сестре Великой и Могучей РА – богини и звезды их путеводной.

Почему богини? Да потому что так издревле повелось. Так же как и Ра: богиня Ра она – и все. И никто из тех, кто поселился на сестре Ра, уже не знал, почему дальние-дальние предки, канувшие в вечность, богиню эту и звезду путеводную назвали таким кратким и сочным в звучании именем – Ра. Ра – и всё тут. Богиня. Это уж потом, спустя тысячелетия, она превратилась в бога, Египетского бога Солнца.

А вот почему звезда путеводная – это разговор особый. Разговор таинственный, волшебный. И он – далеко впереди. Одно можно сказать сейчас открыто: Ра – это, по сути, имя звезды. Ну, к примеру, наша звезда, та, что греет нас издалека, называется Солнце. А та, далекая-предалекая звезда, называлась Ра. Почему называлась? Трудно сказать. Наверное, потому что теперь никто не знает, где на небосводе она располагается. И жива ли она вообще, не взорвалась ли случайно как сверхновая...

Ну да, разумеется, жители СТРА-ны (правильнее было бы не склонять) в определении своей родины были весьма патетичны. Жили-то они вовсе не на сестре Ра. Сестра Ра, по-видимому, это наше щедрое на любовь (и ненависть, увы, тоже) Солнце. Жили-то они на планете, которая вокруг сестры Ра обращалась. До сих пор, слава Богу, обращается. И, надеемся, будет обращаться ещё многие миллионы, а может и миллиарды лет...

Жаль только что великая страна – с одним народом и одним языком – с этой планеты однажды исчезла. Правда, была попытка восстановиться. Сотни лет спустя в одном месте планеты возникла та самая Отрантурия. Которую тоже называли страной, даже государством. Но уже слово «страна» старались не выпячивать, произносить скромнее. Наверное, столь маленький клочок территории, на котором бедные потомки древнего народа попытались взять у судьбы реванш, называть по-старому, гордо – СТРА-на – было стыдно. А может, просто забыли, что когда-то страна была такая огромная, что весь мир от края до края занимала...

Вы скажете, а причем тут, собственно, Кощей Бессмертный? Какое он имеет отношение к той древней, гипотетической стране, говорившей на одном языке и занимавшей всю планету? И я отвечу: самое прямое. Ведь он – один из потомков. Да-да! И не просто потомков, то есть

тех, кто родился потом, после гибели Страны. Он из **особых** потомков. В первую очередь из тех, кто память о себе в веках оставил. Ведь сколько воды утекло с тех пор, как ушёл с земли Кощей. А сказки о нём, о господине Бессмертном, до сей поры в народе известны. В народе ли? Может, в народах?

...

Впрочем, начнем эту грустную, но захватывающую до ушей историю – романтическую, волшебную, детективную, приключенческую, фантастическую, драматическую. Историю любви и ненависти. Историю правды и кривды. Историю, искаженную людьми до неузнаваемости. Но вечную историю, историю повторяющуюся – на спиралях времени, на ступенях рода человеческого. Историю доисторическую. Историю нашей цивилизации...

Глава первая. Находка Иванасия

Всё в этой сказке поначалу развивалось как давно известно. Истерзал Кощей проклятый города и сёла наших предков: дома огню предал, мужчин мечу, а молодёжь цветущую в полон угнал. Многие богатыри грозились одолеть Кощея, да ни у кого столь непростое дело не получилось. Отправился тогда искать Кощееву погибель простой пастух, которого мы знаем как Иванушку. Дошёл он до Кощейевой горы и встретил под горой одну бабуся. На этом всё. Потому что дальше старая сказка заканчивается и начинается новая. Точнее даже и не сказка вовсе начинается – предание. Быль, о которой давно уже никто не помнит. А напрасно...

Степь Отрантурийская

В открытой степи, сплошь усеянной массой цветов и зелёных трав (потому – то и летом, в жару, у предгорья красиво) одинокого путника видно издалека. Вот он, как на ладони – простой парень в домотканой рубаше длиной до колен, в каких-то непонятных шароварах, заправленных в козьи сапожки, по щиколотку высотой и с непременно загнутыми кверху носками, в бесформенной шапке, тоже, скорей всего, козьей, с грубым отцовским ремнём на поясе, кинжалом украшенном, и с простецкой котомкой за плечами. По статной фигуре понятно, что парню лет тридцать, не больше. Куда он бредёт? Что ищет тот парень вдали от жилья человеческого? Ради чего прошагал он пешком столь далёко и долго? Наверное, то даже Солнцу неведомо.

А парень идет. Под пеклом степным – на небе ни тучки, ни облачка лёгкого – движется путник. Хорошо что от сочной травы лёгкой свежестью веет. Лето ещё начинается. Когда ж оно в самом разгаре – тяжеленько идти целый день по открытой степи.

Парень, конечно, устал и мечтает свалиться в траву. Но не сделает этого он до тех пор, пока вовсе не обессилит. Он знает ведь: заснуть на солнцепёке – все равно что умереть. А вечером, когда светило свалится за самый света край (ему, поди, ведь тоже отдохнуть потребно хотя бы пару часиков), в степи ночевать одинокому путнику просто опасно: гиены и шакалы сонную добычу издалека чувят. И как они успевают из края в край степное поле перебежать? За столь короткую ночь...

А кроме гиен (что там шакалы!), знал Иванасий, есть хищники пострашнее. Гиены что! Сомкнут на шее жертвы пасти – и здравствуй мир иной, благодатные кущи райские. Проснуться не успеешь, боли не почувствуешь.

А эти другие, двуногие... О! От этих всякого ждать можно. Слышал Иванасий от купцов и путников бывалых, нынче, мол, в степи немало всякого отребья в поисках добычи шастает: и конные сыны Уйтархатуга, степного шайтана (в которого, впрочем, пастух Иванасий не верил), и разные воры, от правосудия удравшие. И хуже того – волчицы выродки – уроды, скачущие по степи в звериных шкурах, да не на конях, а на громадных, огненного цвета, гиенах, наверняка волшебных. А если и не скачущие, то бок о бок мчащиеся с приручёнными волками, свирепыми, как тигры...

Сыны Уйтархатуга одиноких путников безумно любят забивать в колодки, чтобы таскать несчастных всюду по своим кочевьям. Убить, конечно, не убьют, но и житья пленённому у них не будет. В колодках этих и состаришься. Ну, разве что их извращенный язык со временем освоишь. Да только много ли в нём проку, в этом тарабарском языке, который в Отрантурии никто, кроме самих шайтановых детей, не знает?!

Но выродки волчицы, как говорили знающие люди, гораздо хуже. Считалось, с ними лучше вовсе не встречаться. Ведь что они способны с пленным сотворить – даже Всевышний этого не знает. Могут, например, отдать на растерзание своим гиенам. А могут просто и волками затравить.

Хуже, конечно, когда издеваться начнут: то волкам отдадут на секунду, то раны залечат, чтобы снова терзать и терзать. Бр-р! В холодный пот бросает от одной лишь беглой мысли о пытках выродков волчицы. Уж лучше с воем броситься на них, чтоб сразу пасть от их ножей, нежели к таким уродам сдать в плен.

Меньше всего, пожалуй, страху вызывали тогда обычные бродяги. Хотя они, как правило, грабители и воры (а чаще подлые убийцы), но с ними повстречаться было всё-таки не так уж страшно. Иванасий лично знал таких людей. Мотив для нападения у них, как правило, всегда один и тот же – корысть. Но мучить жертву просто ради удовольствия бродячие разбойники привычки не имели. Что с Иванасия возьмёшь?...

«Впрочем, – думал Иванасий, – ну их всех к шайтану. Тати очень разные бывают. К примеру, могут ничего не сделать, даже еды предложат. А могут ведь не только отобрать последнее, но и донага раздеть беднягу. Встречаются среди станичников такие, которым всё подряд годится. Дырявый грязный носовой платок – и тот отнимут: очередной жертве рот заткнуть». Единственное, что утешало Иванасия – навряд ли захотели бы они убить и даже просто покалечить подобного ему. Он знал: разбойные бродяги держат зло лишь на богатых, упитанных, наряженных по-королевски.

Оно понятно, что такие толстосумы без охраны по степи не ездят. Однако, мелким татам в Отрантурии всегда имелся повод для поживы. И среди богатых объявлялся скряга, который, пожалевши денег на охрану, задумывал рискнуть. Сам, мол, с усам. И с караваном в степь без воинов. Тут-то его и цап-царап...

И всё же Иванасий остерегался больше не разбойников. И не сынов Уйтархатуга, и не выроdkов волчицы. Он знал, что самые опасные места им уже пройдены. Все вражьи души из тех, что нападают на путников, обычно держатся поближе к жилым массивам. Там выше вероятность подстеречь добычу. Что им в глухой степи, так далеко от человеческого жилья? Друг друга что ли грабить?...

Но там, где брёл, шатаясь от усталости, упрямый Иванасий, существовал ещё один серьёзный фактор безопасности от всех известных в Отрантурии разбойных элементов. И был он, этот фактор, пожалуй самым важным из всех других. Да, именно его-то и страшился Иванасий более всего. Из-за того, что так устроен мир: от всех напастей разом защищает гораздо более опасная напасть, та, что будет страшнее всех прочих вместе взятых. Да-да. Что там какие-то гиены и шакалы по сравнению с...

Вспоминая про них, Иванасий зябко поёжился – несмотря на жару. Чёрные крыланы, слуги Змея Горыныча – вот кто вселял в одинокого путника ужас. Они и днём, и ночью над степью дозорят. И укрыться от их зоркого взгляда невозможно. Единственное средство убежать от крыланов было – не останавливаясь, поскорее пересечь пространство, что отделяло дикое Большое поле от гор Кошеевых владений.

Да, Иванасий шёл пытаться счастья. Так в Отрантурии именовали «глупую» идею убить Кощея, самого главного и злого волшебника Отрантурии, а то и всего мира. Именно он поселил в душах подданных Сорока Королевичей великий страх, сделав человеческую жизнь похожей на жизнь коровы. Ест она траву, нагуливает молоко и мясо – чтобы потом хозяин сделал с нею все, что посчитает нужным.

Правда, коров своих человек защищает от дикого зверя. А Кощей только забирает что получше. И нужны ему оказались не богатства человеческие: золото, меха, зерно, вино, украшения, молоко и мясо разного скота. Нет, на это Кощей не зарится. Нужны ему оказались сами люди. Да не просто люди, не все подряд. А молодые и здоровые, самые красивые и добрые, самые плодovитые и работающие. Что это за жизнь – миловидные лица девчат и ребят чем ни попадя мазать, а на шею амбарный замок скрытно вешать, чтоб горбатым и страшным казалось дитя постороннему глазу?!

Но не все ведь так могут. И долго вот так никакое дитя не выдержит. Ведь растут, поднимаются отроки-девицы, силой рода всё быстрее наполняются – души их наружу рвутся. Как ни строй из дитяти дурнушку – всё одно сыновья с дочерьми отмоются, скинут с себя весь хлам портящий, друг перед другом предстанут в красе писаной – глаз не оторвать. И не захотят более ни за что, ни под каким страхом скрывать природную пригожесть свою. Только тем родителям и утешение, у которых дитя неказистое да больное родилось. Или глуповатое. Недоумков Кощей тоже невзлюбил – не потребны они ему с самого начала оказались...

Слухи разные ходили, один другого страшнее. Вот, мол, Кощей потому и бессмертный, что соки живительные из молодых да пригожих выпивает. Или проще в своей деревенской грубости: жрет, мол, Кощей всех, кого ворует – этим и живет. Ходили слухи и глупые: Кощей,

мол, омолаживается тем, что спит, окруженный молодежью – и девицами, и отроками. Забавляется, мол, старый колдун, ох как забавляется.

Но не верил этим слухам Иванасий. И не особенно задумывался он над тем, что делает Кощей с ворованными девицами и парнями. А вот насчет бессмертия Кощеева... Рассказала как-то деревенская колдунья, из его, Иванасия, деревни, что скрывает злобный царь Кощей на острове каком-то, на Буяне, иглу какую-то волшебную. Никто из людей, мол, об этом не знает, а если бы и узнали, то в голову бы не приняли. Ну прячет колдун иглу – что с того? Мало чего ли колдуны прятать имеют обыкновение!

Ан нет, шалишь – говорила колдунья Иванасию – просто так чародей злобный прятать ничего не будет. Чую, мол, я – знать смерть Кощеева в той игле затаилась. И прячет ее Кощей, чтоб никто ненароком не сломал ту иглу. Ибо стоит лишь иголке этой пополам переломиться – и конец Кощею придёт во веки веков. Вот бы добрался какой добрый человек до смерти Кощеевой! Уж тогда бы вернулись бы в мир покой да любовь – как в светлые древние времена, когда люди каждому встречному в пояс кланялись, с первым встречным хлеб пополам делили и первого встречного на ночлег пускали...

Только вот неведомо, где этот остров Буян, на каком море-окияне стоит. И на море ли, на реке – одно Солнце, наверное, ведаёт...

Долго вынашивал Иванасий сумасбродную идею. Был и на его деревню Кощеев набег. Почти всё тогда в деревне повыгорело, а те зрелые мужи, что защищать кинулись, почти все оказались порублены до смерти. Но Иванасия – ему тогда около двадцати было – Бог миловал. Решил тогда он, что не приглянулся кощеевым набегникам, не тем, стало быть, оказался, из которых Кощей своим татам вязать в торока повелел. И радоваться бы парню, да осознание неказистости своей для парня молодого горше самой горькой доли.

Понял тогда Иванасий: ему не семью заводить на роду написано, не любовные ласки иметь от жены, а в жертву себя принести – во имя рода человеческого. И некому стало тогда разуверить его в той убежденности – мать после набега померла вскоре, отец ещё раньше в степи сгинул, дед с бабкой давно уж в могиле лежали, а сестричку любимую, Гларьюшку, да многих других девчонок пригожих Чёрные Крыланы уволокли.

Десять лет Иванасий овец пас, неммым прикидываясь. А и с кем ему говорить-то осталось... Поверил он в то, что от жизни ему больше нечего ждать. Разве в другую деревню пойти да на старой вдове какой жениться? Иногда и об этом думал Иванасий. Думал – да раздумывал. Нет – какая женитьба! Ни сестрино, ни материнского одобрения, ни любви в сердце, ни веры в возможность детей иметь...

Время пришло – думу думать неведому стало. Решился Иванасий. Понял, что терять ему уже нечего. Пойду, решил, в гости к злодею поганому. Авось, Бог даст, отомщу ему за все страдания, что доставил он роду человеческому. Разузнаю, где остров Буян, доберусь до иглы – сломаю её с наслаждением. А потом и смерть не жалко принять.

Старая колдунья долго отговаривала Иванасия. Что, мол, ты, дурачок, удумал! Ты ведь молод ещё – какой ты бобыль! В город пошёл бы – ремеслу какому обучился у старого мастера. Глядишь, и невеста найдется. А там дети пойдут – желание мстить Кощею само собой пропадёт.

«Ну а кто же тогда Красу Ненаглядную из Кощеева плена вызволит?» – пытал колдунью Иванасий.

«Тебе-то что за печаль! Кому суждено, тот и кокнет Кощея!» – отмахивалась бабка.

А потом устала, собрала Иванасу в дорогу припасов, трав лечебных, порошок, вызывающий чих – на всякий случай. «Ступай, знать, раз дело такое. Иди, подставляй бестолковую голову, коли надоело жить!».

И пошёл Иванасий.

Долго идти пришлось – по первым тропкам ушёл из деревни парень, а Кошечьи горы далеко впереди завиднелись лишь к самому лету. И вот теперь, когда осталось поднажать, крыланам в лапы попадаться Иванасу до смерти не хотелось.

Впрочем, ни одной чёрной точки на небе Иванас не видел, как ни вглядывался в горизонт. Одна только мысль покалывала потихоньку: крыланы, де, могут и сзади налететь, и в невидимок оборотиться. Размышляя в таком ключе, укреплял себя Иванас духом. Дескать, была не была, от судьбы не уйдешь. Чего мучиться страхами, коль от главной-то самой напасти всё одно не увернёшься.

«На худой конец испытаю на крыланах бабкин порошок, – усмехнулся он про себя. – Она заверяла, любой лютой зверь, окромя человека, от ентого порошка изойдётся чихом. Ежели они, конечно, живые – крыланы эти». И ускорил шаг. Мало-помалу и жара спадать начала, и сосание под ложечкой, мучившее с утра и ещё долго после полудни, притупилось. Неуклонно, хотя и медленно, надвигался на предгорье летний вечер.

Сумерки всегда Иванасия радовали: и когда он ещё близ жилья людского шёл, и когда дикая степь, от края до края гладкая, будто гигантская скатерть, перед взором его предстала. И в детстве-юности любил Иванасий вечерние сумерки. В юности – потому что после гибели отца всё у него из рук валилось, хотелось только одного – вернуться скорее домой, в материнскую хибару, и залечь в тёмном углу, как тому боязливому зайцу.

Оттого, может, и прозвали Иванаса Печальным. Пытались люди развеселить его, особенно девицы пригожие – бестолку. Он при девицах вообще почему-то сникал – и бледнел, и краснел, и немым становился. Мать его и так и сяк пыталась вразумить: дескать, хватит горевать по отцу – пора жить начать, о продолжении рода подумать.

«Отец-то вон, поди, глядит на тебя с того света и сердится. Никак ты в толк не возьмешь, что усопшему родителю завсегда хочется, чтобы отпрыск его весел был и жил как все, пока живется. Вот останешься бобылём, состаришься и умрёшь в неизвестности – нам с отцом на том свете лучше сделается? Когда род наш оборвётся!» – упрекала его мамаша долгими зимними вечерами. А он, дабы меньше мать переживала, бубнил ей в ответ: ничего, дескать, время мое придет – найду свою суженую, и внуков тебе родим.

А люди не верили. Понятное дело, все тогда в Отрантурии детей старались как можно раньше в отцы и матери определить. Потому как слишком короткой жизнь была у человек. Нельзя было сказать, что тридцатилетний возраст тогда в Отрантурии стариковским считался. Все знали: и от пятидесятилетнего сорокалетняя родить способна. Да только понимали и другое. Слишком рискованной жизнь была в ту пору у простого смертного.

Родить ребёнка было мало. Выходить, выучить жить, поставить на ноги ещё требовалось. Чтобы не увяло осиротевшее ненароком дитя раньше времени. Оттого и спешили, в раннем отрочестве поощряя детей друг с дружкой знакомиться да глазки строить. Расчёт был прост. Пару лет как минимум выюношу (под этим словом в ту пору понимали и юношей, и девушек, которым исполнилось 14, но до 16 они ещё не доросли) потребно на то, чтобы влюбляться научиться и знакомство заводить.

Год ещё, а то и полтора подросток дитя определяется, кого избрать, к кому душою прикипеть. А ведь потратится время ещё и на обзаведение хозяйством (пусть и родители помогут хорошо), на привыкание к самостоятельной семейной жизни, на проверку чувств. Тут и время рожать подойдёт, не успеешь глазом моргнуть. К двадцати годам обычно парень Отрантурии – настоящий муж и отец.

К двадцати пяти – муж зрелый, многосемейный, зажиточный. Детей к тому времени обыкновенно не менее трёх имели, а четвёртого на всякий случай (вдруг ненароком умрёт какой-нибудь из первых) рожать готовились. А те из молодых мужчин, кто в силе и чести оказывался, имели право и вторую взять жену, из вдов. Их тогда, горемычных, в каждом селе немало имелось.

Знал Иванасий, что и до Кощей так дела в стране обстояли: с тех пор, как умер великий король, не знает Отрантурия покоя. Дети короля, сорок королевичей (все от разных матерей), старшего меж собой так и не выбрали. Каждому, поди, хотелось верховодить, да не получалось. Так и остались они каждый сам по себе, в своем наделе-вотчине. Понастроили крепостей – принялись доказывать друг другу, кто сильнее. Может, оно и к лучшему стало, что Кощей объявился.

Королевичи поначалу фыркали: в одиночку, каждый думал, разобью врага, мол. Да только, пообломав когти о толстые шкуры Кощеевых набежников, кинулись опять брататься. Вроде легче стало жить. Да новая напасть пришла – стали исчезать из сёл и городов самые красивые, самые желанные, самые умные, самые добрые девушки и парни. Жизни семейной смысл из-за этого утратился...

Короче, как ни крути, а что королевичи, что Кощей – все хороши. Да только старался Иванасий так не думать. Неприятно ему на душе становилось, когда невольно в голову стра- ницы прошлого приходили. Был он тогда ещё несмышлёным. О Кощее же никто ещё не ведал. Ну помнил он, как однажды напали на его деревню воины Амира Ясноокого. Запалили дома – потом мужики, кто уцелел, новые отстроили. А напавшим тогда тоже худо пришлось.

Не успели они селу свою волю объявить (отныне вы, мол, к другому королевичеству отно- ситесь), как Светлоголовый Дарсин с ратью явился и показал врагам козью морду. Только мало того, что село от огня и стрел амировых воинов убытки понесло, ещё и Дарсин обобрал сельчан до нитки – все мясные припасы подчистую реквизировал.

«Но что было, то прошло, – думал Иванасий, приближаясь к заветной Горе. – Я тогда был совсем зеленый – многого ещё и не помню. А королевичи тогда, хотя и взрослыми уже считались, а были всё одно почти что дети.

У королевичей по времени свой счет. Как говорится, что дано простолюдину, не потребно господину. Им и в тридцать лет первый раз жениться можно, не то что пастухам да оратаям. И в жены они сколько хотят девок взять имеют право. И торопиться найти свою половинку им надобности нет. Оттого молодые королевичи и дурачатся. Знамо, что простые люди от этого страдают. Так ведь это наше, человеческое дело. Созреет народ – с королевичами как-нибудь сам разберётся. А Кощей, поганец, всю жизнь нашу перепутал, всех покоя начисто лишил. Королевичи тогда хулиганили, молодёжь в рабство угоняли. Дак ведь потом они договарива- лись, друг у друга пленников выменивали – дети к родителям возвращались. А сейчас что!».

То размышлял Иванасий, то вглубь себя уходил надолго, шёл, как отрешённый, будто кукла какая заведённая. От усталости забыл он и про крыланов, и про то, что ничего не пил – не ел с утра, даже про саму усталость забыл. Очнулся от глубинных размышлений, лишь когда тьма вокруг него сгустилась.

Вот она, Кошеева Гора Зла. Встала на пути внезапно, как стена – ни обойти, ни объехать. Чёрная гора, зловещим мраком покрытая.

Только рядом с горой и дошло до Иванасия, какой путь им проделан, и куда он вообще притащился. Осмотрелся по сторонам, а не видно почти ничего. Такое ощущение, будто необъ- ятного пространства вокруг тебя уже нет – лишь гора впереди нависает зловеще, а перед нею – узкая полоска грунта. И тишина. Одни цикады, как натянутые тетивы гигантских луков, и зве- нят...

Встреча у Чёрной горы

Постоял Иванасий перед горой, постоял, похлопал глазами, потоптался на месте. Тут и навалились на него разом и усталость, и страх. Захотелось было юркнуть куда-нибудь в норку, как зайцу, что в ранние годы зимой вечерами в душе Иванасия проявлялся. Да только поди найди её, эту норку, когда темень вокруг – хоть глаза выколи. И мышцы будто мокрым песком наполнились – совсем неохота ногами шевелить. Переборола-таки усталость страх. Бухнулся Иванас на мягкую траву, протянул ноги, развязал котомку, приготовился поужинать.

Только ужинать-то оказалось нечем. Пошарил-пошарил в котомке, а кроме мотка просмоленной верёвки, бруска для точки ножей, туго свёрнутой рогожи, чтоб было чем в холод укрыться, и пустой берестяной бутылки ничего не обнаружил. Видать, всё подъел и выпил Иванасий до вчерашней ночи. Обидно, хоть плач. А нутро, как назло, даёт о себе знать – так и ковыряет под ложечкой.

Чтобы как-то немного утешиться, заговорил Иванасий сам с собой, правда, вполголоса:

– Хоть бы какая тварь явилась, нос показала. Или клыки. Хоть бы чем дала знать, что в Кошеевых владениях я. Так нет же! Никому до меня никакого дела нет. Опасался днем на крыланов нарваться – куда там! Думал, у горы придётся голову ломать, как заслоны Кошеевы миновать незамеченным. А энтих заслонов и нету вовсе. На ком теперь чихотный порошок испытывать? Где тот лютый зверь, что от порошка бабкиного чихом зачихается? Не знаю как зверь, а я уж точно от бабкиного зелья зачихаюсь до светопреставления.

– От страха, что ли, сам с собой беседу ведёшь? – услышал вдруг над ухом он скрипучий монотонный голос.

Вскочил, напрягся:

– А? Что? Чур меня! – и тут же взял себя в руки, добавил голосу немного куража и стали: – Кто тут скрипит над ухом у меня, аки заржавевшая дверная петля!

Откуда-то из темноты возник внезапно конус света. Да настолько яркий, что Иванасий аж зажмурился, рукою заслонился, занервничал:

– Изыди, нечисть проклятая! А не то ты у меня на всю жизнь начихаешься!

А когда попривыкли глаза, понял Иванасий, что стоит он в ровном кружке света – никаких пляшущих теней по сторонам не было видно. И струился свет из-за большого дерева, что притаилось на краю тропы.

– Прекрати орать-то, охальник бестолковый. Болтаешь в темноте, болтаешь, а сам, поди, в штаны со страху наложил, – скрипучий монотонный голос донёсся тоже из-за дерева. – Чего шатаешься по столь глухим местам, коли боишься? Сидел бы тихо на печи да калачи жевал домашние. А то зверушек тут распугиваешь, покою мелким тварям не даёшь. Вот доберётся до тебя хозяин здешних мест, так будешь знать, как языком в ночи чесать.

Тихо звучал скрипучий голос, совсем не враждебно. Перестал Иванас нервничать, успокоился, задержал:

– Это кто же это здешний-то хозяин? Кощей Бессмертный, что ли?

Незнакомец только усмехнулся:

– Брякнешь тоже. Кощею что? Он заперся в своем замке на вершине горы и никого ни слышать ни видеть не хочет. О медведе я говорю. Это вы, потомки орисов, так его назвали. Нет бы сказать «могучий берложник лесной» – так вы его «тот, кто ведает, где мед». Будто сами вы не собираете медок по пчелиным дуплам.

Сообразив, что враг не стал бы запросто болтать с ним, Иванасий тут же и напыжился, напустил на себя важности, точно купец какой-то заезжий:

– Да чего ты разворчался-то, душа пустынная. Показался бы хоть, кто ты есть. Аль боишься меня, скрипучий язык?

– Вот проживёшь хотя бы с четверть моего, тогда и посмотрю, какой язык у тебя станет. Ничего я не боюсь, – добродушно ворча, незнакомец вышел из-за дерева, приблизился к Иванасу.

В темноте разглядеть незнакомца почти невозможно. Но луч света он направил на себя, и перед парнем появилась... сгорбленная бабка. Волосы чуть ли не до пола свисают, лицо землистое, всё в морщинах, на хилое тело какая-то рогожа наворочена, на кудлатой макушке серый войлочный колпак топорщится, ноги до колен изодранной юбкой прикрыты, на ногах – бесформенные чувяки, а в длинных руках узловатых – кривой посох. Свет же, успел заметить Иванасий, струился теперь из-за веток.

– Ну, хватит меня разглядывать. Ежели не боишься, идём в мою избу – покормлю чем Бог послал, спать уложу на деревянном топчане, а баньку – не взыщи, топить не буду на ночь глядя.

Протянула бабка руку к дереву – источник света снова оказался у неё в руках.

– Что это у тебя за свет такой? – загорелся интересом Иванасий. – Пламя так ровно не светит! Да и ветки от него уж запылала бы. Не холодный ли огонь у тебя, бабуля? И вообще, как ты здесь оказалась, так далеко от людского жилья?

– Слишком много вопросов задаёшь, бесшабашная твоя голова, – ворчит старуха. – Огонь у меня не обычный. Чтоб его зажечь, кресала и кремня не надобно. Только не проси – не отдам ни за какие коврижки. Да и переведёшь ты его в два счёта. Пользуйся уж факелом. Мотри только лесной пожар не устрой где-нибудь. Так пойдёшь в мой дом али не..., – зашла старуха кашлем...

Избушка Бабы Яги

В темноте пробивается луч «холодного» света. Весёлый огонёк на валунах танцует, а между валунами вьётся узкая тропинка, ведущая Иванаса с бабулей в гору.

– Я-то от жилья в двух шагах, – скрипит в темноте старушечий голос, – я тут живу почитай уже лет двести. А до этого жила в дремучем лесу, далеко отсель, в стороне, где солнце заходит. А вот ты какого рожна сюда забрёл?

Ответить Иванасию не дал медвежий рёв, прорезавший внезапно темноту. Он был неагрессивный, словно зверь всего лишь только предупреждал, чтобы его ненароком не потревожили. Иванасий ухватился было за кинжал, однако бабка, ростом доходящая Иванасу едва ли до груди, довольно крепко уцепилась ему за руку.

– Тихо ты, не рыпайся, не тронет он тебя со мною рядом!

На удивленье Иванасия, старуха тут же прорычала в ответ. Постояли зверь и бабка немного в темноте, порычали, осветила бабка зверя на секунду – подивился Иванасий: силён, знать, зверюга. Повела старуха парня дальше. Луч света, который бил теперь откуда-то из верхнего конца старухиной клюки, шагов через полсотни вдруг наткнулся на лачугу, умело сложенную из камней, но с крышей – из соломы (!).

– Пришли, – обрадовалась бабка. – Добро пожаловать, Аванас бестолковый, в гости к бабке Ёжке Отрантической, – и лукаво захихикала.

– Шутишь, что ли? – Иванасий даже и струхнул слегка. – Разве баба Яга под горою Кощей живёт? И вообще, по-моему, всё это выдумки.

– Вот те раз! – старуха аж присела. – В бабку Ёжку не верит, в Кощей не верит! Ну и чё тогда сюда припёрся за сто верст? Киселя, что ли, хлебать? И главное – весь перетрусил, хе-хе!

– Сама ты перетрусилась, – вдруг рассердился Иванасий. – Открывай давай свою халупу! Накормлю, мол, напою, на топчане спать уложу! Тоже мне, баба Яга костяная нога!

– Цыц тебе, говорю! – сердито топнула бабка. – Яга я и есть. Только я ещё молодая, – расплылась её физиономия в морщинистой улыбке, – Мне ещё и трёхсот годов-от нет! А ну-ка, избушка,пусти хозяйку и гостя! – и трижды коснулась треснутой иссохшейся двери нижним концом крючковатого посоха.

Дверь не распахнулась, как обычно, но откатилась в сторону. А главное, что поразило Иванасия сильнее всего – вошла та дверь в проём и скрылась, в стену въехавши.

– Ну ты, бабка, даёшь! – только и присвистнул Иванасий.

Даже яркий свет холодного огня, что тут же озарил весь дом снаружи и внутри, не произвёл на Иванасия такого впечатления, как эта дверь. «Не иначе как волшебная избушка!» – подумал Иванасий, переступив порог старухиной халупы.

Дверь, выехавши из стены, бесшумно закупорила проём.

– Ну чё застыл, как истукан какой, – подбодрила старуха сзади, слегка подталкивая в спину Иванасия своим «волшебным» посохом. – Чай, поди, думал, дом Яги стоит на курьих ножках! Был у нас с сёстрицами такой домишко – на ногах стоял. Был, да, однако, сплыл. А ты, парниша, топай в горницу покедова.

В сенцах, где они с бабкой оказались, ввалившись в странную дверь, приятно пахло сухой травой и чем-то похожим на яблоки. Свет струился откуда-то из-под потолка, по всему периметру сеней, на линии, где потолок встречается со стеной. От усталости и удивления ничего особенного Иванасий разглядеть в сенцах не сумел. Да и не дала ему бабка оглядеться как следует, отворив перед ним точно таким же способом вторую волшебную дверь – в горницу. Точнее, в узкий, едва освещённый коридорчик, соединяющий сенцы с горницей.

– Вот тучочки и ночевать будем, – прошамкала Яга, протыкая воздух своей клюкой.

Горница представляла собой тесноватую, хотя и квадратную, комнатёнку с одним единственным окошком, глядевшим прямо на тропу, по которой хозяйка и привела сюда гостя. Освещалась комнатёнка иначе чем сенцы – голубоватым фонарём, светившим сверху из угла.

Показалось поначалу Иванасию, что горница Яги скорее предназначена для сбора всякого старья, нежели для того, чтобы в ней жить. Однако то, что он вначале принял за большую каменную печь, оказалось шкафом, забитым разными камнями, фигурками из дерева, какими-то кувшинчиками-вазочками, пучками трав и веток, коробочками и шкатулками. Ни паутины, ни пыли, ни лопаты, которой, якобы, Яга сажает в печь пироги с «дитятами» – как ни глядел вокруг себя Иванас, ничего из этого не обнаружил. Правда, в углу у входа в горницу заметил он какую-то кадущку. Но чистота вокруг неё была такая же, как и повсюду в доме.

«Ничего интересного. Пара старых табуреток, топчан у стены, застеленный одеялами, у окошка уютный столик для двоих. На чём она готовит – ума не приложу», – подумал Иванасий, ощущая в теле приятную истому. Давно он не входил в обычное жилище.

– И не зыркай глазюками-то – никакой печи у меня в горнице нет, – Яга словно прочла его мысли. – Я вообще скромно живу, питаюсь подножным кормом, редко что готовлю. Разве что съем кого-нибудь случайно забредшего, вроде тебя.

Иванасий сразу понял, что хозяйка просто подкалывает его за людские выдумки о любви бабы Яги к человеческому мясу.

– А печка-то у меня в сенцах, – деловито продолжила Яга, ставя в угол рядом с кадкой свою клюшку и сбрасывая с ног чувяки. – Ух, притомилась, ноги ажник набухли. Токмо печка моя – не чета той, что в разных сказках описывается. Это вы, людишки, такие печки по домам себе складываете. Чаю я, их ещё долгонько будут ставить по избам, сотнями веков. И от Отрантурии прах один останется, а печки энти всё в чести у народа будут.

– Где это они тогда останутся, ежели Отрантурия сгинет с лица земли-матушки, – машинально спросил Иванасий, думая на самом деле лишь о том, как бы чего в рот взять да поскорее простой водицы напиться.

– Ты давай присаживайся, чего встал, как истукан. Я пойду приготовлю чего-нибудь на скорую руку, – сунув ноги во что-то похожее на плетёные из лыка домашники (так назывались в Отрантурии тапочки, в которых полагалось ходить только по дому), бабка заторопилась в сенцы.

«Тепло у неё тут, уютно, – подумал Иванасий, сбрасывая на пол с плеч котомку и бухаясь на примостившуюся у оконца табуретку. – Надо же, на воле недавно вроде бы жара была, а как солнце закатилось – свежо стало, даже слишком».

Осмотрел Иванасий горницу получше – ничего примечательного, разве что светильник волшебный, как, впрочем, и весь свет в доме Яги – холодный свет, о котором в Отрантурии давно слагают легенды. Хотя, вспомнилось вдруг Иванасию, говорили, будто этот холодный свет в далёкие-предалёкие времена был в каждом доме. Он и сейчас есть у кое-кого, например у королевичей. У королевичей вообще много чудной старины сохранилось – на то они и королевичи. А тута вон пол вроде обычный, дощатый. Хотя и гладкий какой-то уж слишком. Да и стены – бревно бревном, а что-то не так, какое-то не такое бревно. Да и дверь снаружи – как будто ссохлась, растрескалась от старости, однако отворяется почти без скрипа.

Раздумывая, Иванасий не заметил, как задремал, уронивши голову на стол. Очнулся, когда бабка начала трясти его за плечи:

– Рано спать-то пока ишо, паря! Жрать-то небось хочешь, как пёс голодный. Давай-ка повечеряем немного.

– Послушай, бабуся, – поднимая голову, спросонья забормотал Иванасий, – что-то непохожа ты на Ягу. И дом твой какой-то странный. Разве такой дом у Яги?

– Так уж и не похожа, – хихикнула старушенция. – А тебе откель знать, какой у меня дом должен быть? Умойся лучше сходи с дороги-то. В колидорчике справа за занавеской умывальник обнаружишь. А из кадки не смей воды брать, – предупредила Яга строгим тоном.

Нехотя поднявшись с табурета, Иванасий поглубже втянул носом чудный аромат, постепенно наполнивший всю горницу. Бабка поставила на столик чугунок, от которого вкуснейший парок поднимался. Пока гость выходил из горницы умываться (умывальник оказался самым обычным, только не понятно было, откуда в нем бралась вода: крышка – как ни старался Иванасий – не открывалась, будто запаяна была), хозяйка успела накрыть столик двумя деревянными плоскими, берестяными стаканчиками, аккуратным подносом с горячими аппетитными пирожками и пузатеньким кувшинчиком с краником.

– Чем бог послал, – прошамкала старуха. – Помолись, дорогой гость, ежели потребно тебе, и отведай моего скороспелого кушанья.

Сама Яга что-то несколько раз подряд пробормотала себе под нос. Иванас только расслышал что-то про Крона всемогущего и Гею добронравную. Усмехнулся про себя, потом с серьезным видом сделал открытой ладонью круг перед собой, как издревле среди людей повелось, упомянул мысленно всевышнего Рода и Солнце, и взялся за струганную ложку, возникшую к тому времени у чугунка.

Каша оказалась что надо, давненько такой Иванасий не пробовал. Впрочем, горячей пищи покушать ему последний раз доводилось месяца два назад – у пастушьего костра. Он тогда возьми да и сболтни немолодым уже пастухам, что идёт Кощееву смерть искать. Пастухи, видать, решили, блаженного им Бог послал. Потому Иванаса и накормили до отвала мясной похлебкой, и в тюрбан с собой парного молока отлили. А пирожки! Их Иванасий давно забыл, когда пробовал в последний раз. Колдунья деревенская, знать, не пекла их – не любила сие занятие. А матушка с сестричкою – о них и вспомнить-то тяжело было.

К пирожкам бабка нацедила из кувшинчика, через краник чудный, какого-то горячего пойла, удивительно пахнувшего горными травами и медом. Этого в королевичествах точно не знали. В Отрантурии только холодные напитки делали – бражку медовую хмельную, квас хлебный, вино ягодное и зерновое, яблочные настои, ключевую воду. Но горячий травяной отвар, что применялся в Отрантурии как снадобье, Иванасу весьма вкусным показался.

– Ну, паря, насытился моим колдовским харчем? – хитро прищурилась Яга, наблюдая, с каким удовольствием гость уплетает пирожки с грибами. – Спать небось мечтаешь завалиться.

Странно, но вместо ответа Иванас вдруг брякнул:

– А что это у тебя в кадке, бабуса? Почему это воду оттуда брать нельзя?

– А! – Яга как будто что-то вспомнила. – Поглядеть, что в мире делается, захотел. Ну, давай посмотрим, коли так.

Покопалась в углу Яга, притушила в горнице свет, что-то над кадкой наколдовала – стало от кадки, по самому верху её, волшебное сияние исходить. Машет Яга рукой Иванасию – иди, мол.

Набрался Иванасий смелости (ведь никогда в жизни не видывал такого чуда – чтобы обычная кадка с водой в темноте сама по себе светилась), заглянул в сияние из-за плеча Яги, зажмурился с непривычки.

– Ничего, сейчас оклемаешься! – восторженно шепчет баба Яга. – Сейчас всё увидишь! Ну-ка, разуй глазюки-то, не бойсь!

И страшно Иванасию, и жуть как посмотреть в сияющую кадку хочется. Собрался с духом, разомкнул глаза и... О, чудо невиданное! По тёмной воде в кадке рябь идёт, а сквозь неё из-под воды яркий свет пробивается. Не верит своим глазам Иванасий: огонь под водой полыхает.

– Мотри – мотри! – зловеще каркает, усмехаясь, Яга. – Вот что делается в этот час у тебя на родине. Пока это ещё не твой город. Это ещё вотчина Амира Кривоглазого, село его подручного Улана! Вишь ты, полымя-то какое!

И видит Иванас под рябью, как бегут куда-то люди и за ними скачут воины в рогатых шапках. Пламя овеивает кровли рубленых и глинобитных хижин, рушатся горящие, как факелы, дворцы и терема тесовые. И воронье над степью кружит там, где вдалеке огни пожаров жутко блещут...

Тошно Иванасию глядеть на всё это кровопролитие. Ещё тошнее слышать, как насмехается над горем человеческим беззубая старуха. Забыл Иванасий про вкусное угощенье и тёплый прием:

– Он не кривоглазый! Амиром Яснооким его кличут! – чуть ли не кричит Иванасий бабке в ухо.

– Как же, ясноокий! – ёрничает бабка. – Да присмотреться если лучше, он ведь самый настоящий кривоглазый чёрт, какой он к чёрту ясноокий!

– Ну да, кривоглазый! – огрызается Иванасий в ответ. – Может, ты, старуха, и права! Только вот меня такое задевает! Какой ни есть, а всё ж он человеческого роду-племени! К тому же друг моего цесаря – королевича Дарсина Светлоголового.

– Чу! Светлоголового! – трясётся Яга от смеха. – Держите меня, а то упаду! Облысел твой Дарсин, что отёсанное полено, а туда же – Светлоголовый!

– Ну хватит, бабка! Только и знаешь род людской чернить! – рассердился Иванасий, да, похоже было, по-настоящему. – Да и что с тебя взять! Ведь ты кто на самом деле?! Баба Яга, костяная нога! Костяная ляжка ты, ядрёна вошь! Чего ржёшь, как лошадка! И голос у тебя какой-то странный стал – теперь уж, вроде, не лошадка ржёт, а нежно колокольчики звенят! Опять за колдовство своё взялась!

А и действительно помолодел-похорошел вдруг голос у хозяйки.

Отошла старуха в темноту и совсем другой оттуда голос подаёт, мягко так говорит, чисто, мелодично, словно и не бабка она вовсе, а девица:

– Ну и какой же у меня голос, Афонюшка? Чего же ты оторопел?

– Не пойму, – еле выдавливает из себя Иванасий, – теперь как будто чистый горный ручеек журчит.

Внезапно темноту в избе прорезал снова яркий свет «холодного» огня. Но падал сверху он на этот раз каким-то конусом. Зажмурился Иванас. И скорее не от света, а того, что в нём увидел: не было нигде горбатой бабки, а стояла в этом конусе, среди кромешной тьмы, красивая девица с длинными, едва ли не до пояса, густыми волосами – чёрными, как будто просмоленными, и выющимися. Груды – будто налитые силой шары, загляденье! Ноги – как у козочки горной. И одета столь пригожая молодуха была в красивый белый сарафанчик с кружевами.

– Ну, Афонюшка, свет ясный Иванасюшка, какова я теперь? Нравлюсь тебе или нет?

– Чур, чур меня, — вяло бормочет Иванасий, жмурится, трёт глаза, – это колдовством своим меня ты хочешь заморочить. Так знай же – не поддамся я нечистым чарам. Тёртый я калач, перепечённый!

А молодка вдруг вздохнула – тихо так, печально:

– Что же, Афонюшка. Насильно мил не будешь. Я ведь не из вашей, человеческой, породы. Мне ломаться ни к чему. Ты мне сразу по сердцу пришёлся, маску только страшную свою я не решалась снять перед тобою.

Чувствует Иванас: правду говорит красавица. А вот так просто, без сомнений, не может он поверить на слово. Да и как тут поверить! Все ведь знают, что баба Яга – старая, грязная, лохматая и... непонятно какая в душе. Захочет – накормит, подлечит и верную дорогу укажет. А нет – так и сожрать способна в три секунды.

Понимал, конечно, Иванасий: молва народная – в болоте пена. Ведь никто ещё не захотел сказать, что видел сам, как старая Яга кого-то в печь сажает – рассказчики обычно любят на кого-нибудь (не знай кого!) ссылаться. Проще ведь всего твердить, что, мол, об этом люди говорят. А кто они конкретно, эти люди – никто и не пытается. Уши только оттопыривают на сказки разные, а врёт ли, не краснея, собеседник иль дело говорит – про то, знать, и не заикается никто.

И всё-таки попробуй вот так быстро изменить сложившееся представление о бабке, которой испокон веков детей пугают, чтобы не шалили лишнего. Проще ведь подумать, что красотка эта не Яга на самом деле, а красотка озорная, что привыкла скуки ради под Ягу «косить», проходим голову морочить. Только вот откуда у простой девицы, да ещё живущей под горой Кошея, огонь «холодный», волшебные двери, учёный медведь и прочие штучки? А кадка со светящейся водой?!

Но красавица, видать, на самом деле Иванасию в любви призналась. Непонятно, правда, было, как это она так быстро незнакомца полюбить успела, только не смогла-таки хозяйка удержаться от соблазна – обняла вдруг парня крепко, но не грубо. Коснулась нежно девушка горячими губами губ его. И поплыл Иванасий, закружилась голова у молодца. И пробудилось в нём его мужская сила...

Глава вторая. Послание от Бати

Жила – была на Земле одна разбойничья шайка-лейка. Дружные они ребята были, резвые. Гробили кого ни попадя, лишь бы на еду и выпивку хватило. Никого они не боялись – ни королевичей, ни хозяина своего. Да только и на старуху бывает проруха. Пришло время, когда и разбойники натерпелись страху...

А в эту же ночь, пока наш герой утешался в объятиях нежной подруги (пусть даже и бабы Яги), в закрытом кабачке, что одиноко примостился у самой границы владений Кривоглазого (простите, Ясноокого) Амира, известный в округе разбойник по прозвищу Чёрный Глаз от души веселился со своими братками.

Да, приятель. И в те далёкие времена, даже семь тысяч лет назад (точнее, три тысячелетия спустя после Великого Потопа, стёршего с лица Земли остатки той СТРА-ны) – даже в те времена, когда ещё никто не знал о том, что будет процветать спустя века великая Эллада со своими Олимпийскими богами, люди на Земле, увы, повадками своими почти не отличались от потомков, заново открывших силу атома и полетевших на Орбиту. Как бы ни хотелось нам об этом думать, но и тогда существовали кабаки и прочие харчевни, в которых по ночам пошиба разного братки с разбойничьим азартом, вино хлебая в кости резались и карты. И, разумеется, не просто так – на деньги, вещи, побрякушки разные, ещё на что-нибудь полезное, к примеру, на оружие или хотя бы на бутылку пива.

А Чёрный Глаз среди братков прослыл пройдохой, каких свет не видывал. Редко кому удавалось хотя бы раз у него что-нибудь выиграть. И все знали, что шельмует он безбожно, но протестовать против такой игры его всерьёз почти никто из «братьев» не решался. Осторожничали. Чёрный Глаз был мало того, что силен и свиреп, как зверь – он был ещё и умнее каждого из своих братков, да и чужих разбойников – в отдельности, а может быть и вместе взятых. Но главное – чутьё у прохиндея было потрясающее. И те из братков, что ему доверяли, всегда избегали порки, удачно минуя засады. А когда ходили на дело, редко возвращались не солоно хлебавши.

При этом Чёрного Глаза было за что уважать. Он никогда не унижал тех, кто был слабее, не высмеивал влипших в историю, никогда не навязывал собственного мнения и не стремился к власти. Его никто не называл вожаком, да он и не захотел бы им стать, даже если бы все братки в округе единодушно возвели бы его на разбойничий трон.

– Как эти глупые королевичи быть?! Ну их к Уйтархатугу! Я сам по себе, – обычно говорил Чёрный Глаз по этому поводу.

Тем не менее братки невольно прислушивались к его предложениям и суждениям. Поэтому Чёрный Глаз играл, скорее всего, роль теневого лидера. Получалось так, что в шайке, с которой он имел обыкновение обтяпывать разбойные делишки и проматывать добычу, главарь, подобный коронованному вору в законе далёких потомков, не появлялся. Братки общались друг с другом на равных, подчиняясь только силе разумных доводов и пренебрегая каким бы то ни было авторитетом. Вполне возможно, что если бы Чёрный Глаз или какой пришлый рубаха-парень захотел бы вдруг поатаманить в этой шайке, братва без колебаний намяла бы такому шустрому бока. Но поприжать карточного шулера в лице Чёрного Глаза эта бесшабашная компания негодяев, увы, не догадывалась.

И всё-таки находилась и на Чёрного Глаза управа. Редко и не очень убедительно, но находилась. Обретался в этой шайке некий нахал и упрямец по прозвищу Злой Кот.

С виду Чёрный Глаз и Злой Кот являли собой образцы полной противоположности. Если Чёрный Глаз выделялся среди других высоким ростом, подтянутым брюхом и явно бандитской физиономией с выпирающим квадратным подбородком (при этом правый глаз его был выбит в пьяной драке, и хозяин всё время прикрывал его повязкой из чёрной ткани), то Злой Кот скорее походил на мясника, без меры дующего пиво и всё подряд жующего.

Макушкой Злой Кот едва дотягивал Чёрному Глазу до уха (причём для этого ему приходилось чуть ли не вставать на цыпочках), зато пузо его у многих худосочных бродяг вызывало откровенную зависть. Был он кругломордый, с длинными рыжими вихрами и усами. И при этом всё время по-дурачки улыбался, радуясь жизни и пиву с мясом. Кстати, о пиве. Всё, что объявилось уже в известные нам древние времена, не изобреталось впервые, а просто восставливалось.

В Отрантурии не заваривали чай (он просто там не рос, а горячие травяные настои, как мы уже знаем, почитались тогда за лекарство). Зато пенные хмельные напитки из ячменных, овсяных, ржаных и других зёрен отрантурийцы делали со вкусом и деловитостью знатоков. Причём, как водится, считали, что пиво и ему подобные напитки знавали и любили канувшие в вечность предки, когда-то жившие одним большим народом во всём мире.

То же самое, впрочем, говорили и про скатерть-самобранку, и про ковёр-самолёт, шапку-невидимку, сапоги-скороходы. Только, упоминая про сии волшебные вещи, равно как и про пиво с квасом, непременно добавляли, что тогда, мол, всего этого добра у людей было столько же, сколько сегодня грязи под ногами. Пива, дескать, водилось в народе море разлитое – пей не хочу сколько душа принять способна. И на коврах-самолётах порхали над домами каждый день друг к дружке в гости простые люди. А чем же королевичи тогда от остальных сограждан отличались?

На сей провокационный вопрос сказитель обычно отвечал так: всяческие знатные особы да монархи (ежели они тогда вообще существовали) не на коврах летающих порхали, с которых ненароком и свалиться можно, а плавали по небу на сияющих воздушных кораблях. Так-то вот, мол, дружисце – стыдно ведь про старину не знать.

Но вернёмся к нашим братьям, то есть, к разбойникам. Злой Кот, прекрасно вжившись в роль потешника для всей братвы, нередко выкидывал такие коленца, что вся шайка готова была от хохота кататься по грязному полу в кабаке. Коронным номером в этой, суперпотешной, программе Злого Кота как раз и являлось откровенное противостояние двух этих так не похожих друг на друга приятелей.

И на этот раз скандал разгорелся во время игры в кости.

– Опять тебе удача, Чёрный Глаз, – завистливо проскрипел над головой Чёрного Глаза чей-то брюзжащий голос в момент, когда Чёрный Глаз снова выбросил удачную партию. – Вечно тебе выпадают короли да волки.

– Зато у тебя последнее время навалом зайчатины, – съехидничал Чёрный Глаз, собирая в большую жестяную кружку кости с выжженными на них королями да волками.

Все захохотали. Братва сгрудилась вокруг большого дубового стола, напоминавшего гигантский гриб с плоской шляпкой. Все, как водится, пускали по кругу большущую чёрную трубку, из которой то и дело вырывались плотные кольца сизого дыма. Не церемонясь, они схаркивали себе прямо под ноги, постоянно одаривая друг друга колкостями, а то и кулаками под ребра, время от времени доставали из-под стола замызганные серые бутылки с ручками и жадно прикладывались к их горлышкам.

– Визирь! Барон! Змей! Таракан! – вопили разбойники то и дело, смеясь и грохая по столу жестяной кружкой.

– Чёрный Глаз собрал много клыков, но за Злым Котом ему не угнаться! – неожиданно воскликнул Злой Кот

– А это мы ещё поглядим, – тяжелым басом парировал Чёрный Глаз, припечатав одной рукой банкой по столу, а другой – по широкой спине Злого Кота, пока ещё добродушно припечатав.

– Опять король, волк и... ух ты! Змей Горыныч! – ещё раз позавидовал кто-то из братков. Все загудели, как недавно проснувшийся улей: кто досадливо крикает, кто что-то непонятное бормочет, кто усмехается, кто присвистывает.

Однако физиономия Злого Кота вдруг аж вытянулась от удивления:

– Как змей?! Опять Змей Гор... ррыныч! – рыжеусый даже перешел на самый настоящий рык. – А-а! Жулик! Гор-р-р-рыныч уже был! Ты стянул его из мусор-р-рной колоды, шельмец!

В злобе Злой Кот смахнул выпавшие кости со стола. И тут же одноглазый шельмец резко ухватил Кота за шиворот, рывком приподнял над столом и с силой ткнул его, как далёком будущем говорили потомки, фейсом об тэйбл.

– Говнюк! – кричит, брызгая во все стороны слюнями. – Ты на кого рыпаешься, шелудивая зверюга! Да я тебя!.. Я тебе!!! – в ярости Чёрный Глаз прямо-таки собственной слюной захлебнулся.

Несколько секунд морда Злого Кота оставалась припечатанной к столу, а братки вокруг заливались диким хохотом и пускали слезу от натуги. Потом Кот вдруг ка-ак вскинется и, вырвавшись из могучих лап одноглазого, ка-ак отвалит ему увесистую затрещину. Хохот ещё пуще стал. Чёрный Глаз и Злой Кот сцепились, устроили драку с погромом, опрокинули стол-гриб, побили опустевшие бутылки. Однако длилась драка недолго.

Из клубов табачного дыма внезапно вынырнул разозленный кабатчик – полуголый геркулес с бычьими кулаками и такой же квадратной мордой (такому и секьюрити-то не нужны). Хохоту братков не стало предела. Потому что кабатчик ухватил обоих драчунов за шкурки и, легко подняв их над своею лысой головой, хорошенько встряхнул и стукнул друг о друга лбами.

– Пусти, начальник, ей богу не буду больше! – в один голос завопили драчуны.

А братки знай себе заливаются. Кабатчик злобно мычит что-то нечленораздельное – по-видимому, он вообще немой. Впрочем, это не мешает разбойникам понять, что он предупреждает их в последний раз.

– Отпусти их, Самуил – мы за ними присмотрим, – попросил кто-то из разбойников.

И в тот же миг раздался страшный грохот: кто-то большой и сильный ломился в наружную дверь кабака. Кабачок-то ведь этот, как мы уже говорили, был с секретом и открывался не для всех.

Отшвырнув забияк, Самуил исчез в одном из тёмных углов, а братва притихла и с тревогой посмотрела ему вслед. Послышался тяжелый скрип отворяющейся двери, и до ушей братков донёлся злобный рокочущий голос невидимого богатыря – понять было можно только то, что он сообщает Самуилу нечто очень важное и срочное. Слов же никто не разобрал. Затем дверь зловеще захлопнулась. Кабатчик вынырнул у стола-гриба, который разбойники уже поставили на место, и молча бросил на него какой-то чёрный кожаный мешочек размером со среднюю ладонь.

С нескрываемым страхом в глазах разбойники уставились на этот мешочек и тупо молчали. И больше всех их напугал вырезанный на мешочке знак, напоминающий старинную букву «К» в молниях, под которой были нарисованы две скрещённые иглы с набалдашниками в виде кристаллов...

Первым пришёл в себя Чёрный Глаз. Осторожно взял мешочек на заскорую ладонь и под тревожными взглядами братков расстегнул молнию на нем, раздвинул разрез, затем взял мешочек за край и встряхнул. Все напряженно замычали: на стол выпали человеческие уши с бриллиантовыми серьгами в мочках. Следом выпал некий кристалл величиной с бычий глаз.

Едва коснувшись стола, он зазвучал низким внутриутробным басом и прямо на глазах начал таять: «Привет вам от вашего хозяина Улана, ха-ха-ха! С того света, ха-ха! Теперь вам

придется найти себе другого спонсора, хах-хак-хак-ха! А серьги из ушей умершвленного мною Улана я дарю всей вашей шайке. Пропейте их за упокой того, кто вам платил и укрывал вас от гнева мстителей или ваших конкурентов по разбойному делу. Пока у вас ещё есть время гулять. Ха-ха-ха-ха-ха! – на тяжелом хохоте кристалл растаял полностью.

С полминуты в кабаке царила мёртвая тишина. Молчали не только те, кому было адресовано это сообщение. Молчали и все остальные бандюки, отдыхавшие в ночном кабаке от разбойничьих дел.

Наконец неуверенно хмыкнул Злой Кот:

– Ты смотри, зараза, что делает! Пугать нас вздумал, старый дуралей. Иглу ему в вену!

– Помолчи-ка, лучше, придурок! – зашипел Чёрный Глаз. – Если Кощей убрал Улана, то дело дрянь. Его не так-то просто было взять за уши. Он ведь последнее время из своей крепости не выползал.

– Кощей любую дверь способен отомкнуть! – осипшим голосом воскликнул один из братков, сухопарый мужичок с длинной чёрной бородой и замасленными волосами на редькообразной голове. В голосе разбойника звучал неприкрытый страх. – В змею превратится, комаром в шелку пролезет!

– Да ладно! – Чёрный Глаз недовольно отмахнулся. – Любишь бредни всякие городить. Купил он кого-нибудь из окружения покойника. А вернее всего, сжег Уланово поместье к ядерной матери. Поди, нанял Кудеяровых псов. Тот давненько на Улана зуб точил.

– Представляю, сколько же злата Кощей отвалил Кудеяру Кудлатому! – с завистью присвистнул Злой Кот. – Чтоб вот так запросто на Амирова фаворита попереть!

– А тебя уже и завидки берут! – презрительно сплюнул Чёрный Глаз. – Пивом тебя не пои, дай в чужих карманах золотишко посчитать.

– Такое уж наше разбойничье ремесло, – съехидничал рыжеусый.

– Да хватит вам собачиться! – просипел длиннородый. – Кощей нам вызов бросил, а вы о ерунде какой-то спорите! Думать надо, что делать, черти вас задери!

– А может, это пушка? – робко предположил кто-то из братков. – Может, уши Кощей сфабриковал.

– Ага, – кивнул Чёрный Глаз. – В огороде вырастил. Слышал я про это. Дескать, Кощей в склянках копии человеческих частей выращивает. Допустим, он это на самом деле может. Да только станет ли он нам врать! Что, проверить нельзя?

– Дак, может Улан просто в плен попал, а Кощей впаривает нам, будто он порешил хозяина-то! – в голосе брякнувшего эту чушь прозвучала мимолетная надежда.

– А-а! Это всё одно! – проворчал Чёрный Глаз. – Кому, скажите на милость, удавалось вырваться из Кощевых казематов?!

Все угрюмо молчали. Из дыма снова появился Самуил. Он всё слышал и делает Чёрному Глазу какие-то знаки. Чёрный Глаз внимательно слушает и кивает кабатчику.

– Ну вот. Самуилу недавний гость сообщил: крепость Улана разорена подчистую. На месте, где она ещё вчера стояла, одни головешки. Людей вырезали почти всех, а молодых и красивых девок, как водится, угнали с собой. Чисто Кощеева манера.

Разбойники приуныли – только и пыхтят своими трубками. Наконец один из них отважился подать голос.

– Ну и чего мы раскисли! Кокнули хозяина – и репа с ним! Хозяев в мире пруд пруди, а наша шайка – неповторима, – хвастливо выпятил пузо Злой Кот.

Чёрный Глаз только хмыкнул: что, мол, с дурака возьмешь. А длиннородый раздраженно проворчал:

– Ну и что с того! Что ты вякнуть этим хочешь?!

– Что, что! Разве не ясно?! Батя нас к себе зовет! К Кощею на службу двигать надобно!

Бандиты зароптали: ну и ляпнул, черт болотный! Все заёрзали, завозмушались. Только Чёрный Глаз вдруг сделался серьезным:

– А что, братаны, на сей раз, видать, дело лепит Злой Кот!

Все тут же замолчали, брови наморщили, взгляды прищурили.

– Зовет или не зовет Кощей Бессмертный нас на службу, а идея к нему на поклон пойти, вижу я, неплохая.

– Кланяться?! Чтоб честные бандиты кому-то в ножки падали! Не было такого во веки веков! – выкрикнул кто-то в сердцах.

– Кощей – не кто-то! – Чёрный Глаз повысил голос. – Кощей – пахан сильный. И ради дела ему-то уж поклониться не переломимся. А кого дешёвая гордыня зажрала – можете не соваться. Только я так думаю: в этом деле овчинка выделки стоит. Кто знает, может, склонивший голову перед Кощеем не токмо её, но и честь свою разбойничью сохранит до глубочайшей старости, – Чёрный Глаз прищурился, пуская перед собой облако дыма.

Все молчали с полминуты. Потом длиннородый робко спросил:

– Ну, а ежели не выгорит нам от этого ни шиша? Ежели повяжет нас Кощей? Или, скажем, головы долой...

И, как обычно это и происходило в минуты страха, вся шайка с надеждой в глазах уставилась на Чёрного Глаза. Он же сперва методично и не торопясь набил новой порцией курительной смеси свою личную трубку, потом без тени волнения ответил:

– Рано или поздно, ежели кого он приметил, то всё одно повяжет. Куда ж мы отсель денемся... Только, чаю я, живые и свободные мы ему нужнее. Раньше мы грабили сами по себе, ну, может, по указке Улана. А теперь будем грабить по указке Кощея – только и делов-то, – и, помолчав для пущей важности, толкнул догадку: – Сдается мне, Кощей – хозяин сильный. И не просто сильный, как наши сорок бестолковых королевичей, а сильнейший из всех, кто пытается поднять под себя всю страну в окрестностях Большого озера и Мощных гор...

Подумали-подумали разбойники и решили послушаться Чёрного Глаза. Посидели в чаду и дыму до утра, попили пива, помолчали хмуро, покурили братскую трубку. На рассвете Чёрный Глаз, никого не приглашая, встал из-за стола, подтянулся, крикнул для порядка и вывалился вон из кабака. Не сговариваясь, вся братва потихоньку повыскакивала за ним следом. Чёрный Глаз хотя и не был атаманом этой вольной шайки, авторитет в ней всё-таки имел немалый...

Глава третья. Опасный гость

Не успели Яга и любовник её позавтракать, как пришлось Яге Иванасю защищать. Естественно, с громом и молнией. Которыми, впрочем, Яга только слегка припугнула пришельцев...

Пироги от Бабки Ёжки

До самого утра Иванасий с Ягой предавались утехам. Ни разу за эту короткую ночь они не сомкнули глаз. Яга оказалась настолько ласковой и доброй женщиной, что Иванасий забыл и про колдовские чары, и про своё предназначение не быть ни для кого желанным.

Он ещё не понял, влюбился ли наконец-то первый раз в своей жизни или просто изголодался по ласкам и человеческому теплу, но то, что стыдиться этой мимолётной связи с явно владеющей колдовством незнакомкой никогда не будет (Яга она или кто другой – какая разница) – это Иванасий знал точно. Да и сердце подсказывало ему – тонко-тонко подсказывало – что встретил он в чужих краях далеко от отчего дома по-настоящему родственную душу. Душу, которая не просто из одиночества потянулась к случайному прохожему. А душу, которая по-настоящему излучала любовь, вряд ли по силе и глубине чувства доступную простому смертному.

Яга ласкала его так, как никогда не ласкала родная мать. Иванасий раньше не был близок с женщиной и потому не мог знать, что из себя представляет женская ласка. Однако ласки этой странной женщины ему казались истинно волшебными. Теперь он вовсе не чурался волшебства, как раньше, а получал от этих ласк невиданное до сего момента наслаждение, целое море чувств, ради которого, возможно, он был готов совсем покинуть отчий дом. Тем более, что после смерти матери родимый дом стоял, как сирота, пустой, холодный.

Наконец они оба растратили силы и, счастливые, задремали. Проснулся Иванасий от лёгкого, приятного шуршания в горнице, вызывающего сладкие воспоминания о тех прекрасных мгновениях детства, когда утром сестра или мать собирали на стол. Под ложечкой приятно засосало. И в тот же миг до ноздрей Иванасия достиг чудесный аромат заваривающихся трав. Яга готовила завтрак.

Иванасий хотел было встать, но почувствовал, что Яга сейчас тихонько сама подойдет к нему, нежно пощекочет его лицо своими мягкими волосами, поцелует в губы и... разбудит. Он решил подождать и получил, что хотел.

– Проснулся? – голос Яги звучал, как тихий ручеек в горах. – Ведь не больше часа дремал. Есть небось хочешь

Губы Иванасия сами растянулись в улыбке, а глаза засияли.

– Тогда вставай к столу, соколик. Перекусим чего-нибудь. Любовь много сил отнимает, – в ответ улыбнулась Яга.

На этот раз пирожки были сладкие и ароматные – с мёдом и горным клевером. Под горячий напар Иванасий уплетал их с нескрываемым удовольствием. А Яга при этом почти не жевала – просто сидела напротив и, подперев руками подбородок, внимательно смотрела на парня.

Заметив, что Яга его внимательно, но как бы исподволь разглядывает, Иванушка смутился, покраснел: чего, мол, выискиваешь во мне.

– Ты красиво кушаешь, не как другие мужики, – снова улыбнулась Яга.

– Да? – рассеянно пробормотал пастух, прихлебывая из берестяной кружки вкуснейшего напара. – А как другие едят?

– А жрут, как голодные звери: чавкают, фыркают, хрюкают от удовольствия, повсюду крошки рассыпают и расплёвывают, слюну пускают – смотреть невозможно... А ты, красавчик, кушаешь аккуратно, как настоящий царевич благородных кровей – с радостью, но чистенько. Впору любоваться тобой, когда ты кушаешь.

Иванасий не ответил, только ещё больше смутился, потупил взор будто девица красная. Яга тоже взяла пирожок и с аппетитом его сжевала, затем изящно запила из берестяной кружки.

– Ты так аппетитно ешь, что самой хочется отведать, – усмехнулась Яга.

Иванасий поймал себя на мысли, что сидящая перед ним красавица вовсе не собирается превращаться обратно в старуху. А она словно увидела, о чем он подумал:

– Мне, Ванюша, от роду на самом деле почти триста лет будет, – и снова голос будто чистый ручей журчит: – Но телом и душой я почти что твоя ровесница, если не моложе. Ты же испытал это сам в своих ощущениях. Глаза можно обмануть. Да вот объятия чистые не обманешь, прикосновение рук и губ не обманешь, дыхание горячее не обманешь...

– Я и вправду по нашим меркам ещё молодая совсем. Да и ты моложе своих лет по телу и душе, по глазам и ясности мысли. Это и понятно: не пьешь зелья всякие дурьголовые, траву-косоглазку не куришь, брюхо чем ни попадя не набиваешь под завязку, не ругаешься и завистью не исходишь. Оттого ты в свои тридцать три сохранился как на двадцать пять. Красивый ты парень. А главное – нежный. Давно я такой нежности человеческой не испытывала.

– Какой же я красивый?! Какой же я нежный?! – от смущения Иванасий даже возмутился. – Нечто я тебе Краса ненаглядная, которую Кощей проклятый в подземелья запер! Я мужик, деревенщина неотесанная, пастух сиволапый. Даром что в кожаных сапогах хожу, в батиных.

Яга лишь усмехнулась, глядя на парня с ещё большей любовью в синих глазах.

– Нет, – гнёт своё Иванасий, – положительно я никакой не благородный и не красивый. Бревно я неотесанное. Сколько лет прошло с той поры, как сила вражья мою сестру любимую уволокла, а я токмо сейчас отважился на дело пойти. И то, думаю, из-за того лишь, что для любви не рождённый оказался – никто из девок мне и знака не подал. Разве красавец остался бы бобылём, как я?

– Глупое какое слово придумали – бобыль, – спокойно ответила Ягуся. – Люди, чаю я, вообще на глупости и пошлости горазды. Только ты совсем другой, Ванюша. От неотёсанного бревна у тебя ни толики нет. Ты же чувствительный, тонкий в душе, отзывчивый. Только вот себя любить не научился.

– Как это – себя любить? – удивился Иванасий.

– Горе ты моё, горе, – не удержавшись, Яга потрепала его за кудлатую макушку. – Простых вещей не понимаешь из-за своей дурной привычки считать себя низшим существом. А ведь если не по духу, то в душе ты точно наш, соколик. Мы, кошки лесные, твои душевные братья, а не люди твоего рода – племени.

– Кошки? – наморщил Иванасий лоб. – Это кто ещё такие?

– Это, юноша, народ такой древний, очень древний народ: лешие всякие, шайтаны степные, кикиморы болотные, русалки озёрные, бабки Ёжки, ведьмы и колдуньи чащобные – всё это, браток, кошки и есть. Мой народ то есть, дорогой Иванушка – Афонюшка.

– А, – понимающе протянул Иванасий, – я сразу понял, что ты колдунья. Оно понятно теперь, почему ты из дряхлой старухи в молодуху крепкую превратилась. Понравился я тебе, вот ты и приняла облик, который для утех со мной больше подходит.

– Не совсем так, – мягко поправила Яга. – Ты мне, конечно, очень по сердцу пришёлся. Стосковалась я, Ванюша, по доброй мужской ласке, по тому теплу, который только от простого, здорового душой и телом парня исходит. И вот судьба тебя привела в мой дом. Но никакая я, Афонюшка, не старуха. Вот какая я есть перед тобой сейчас – то мой истинный облик. А дряхлая ворчливая бабка – это образ мой такой, маскарад, театральный облик. Ты, Ванюша, слышал про театр?

– Не пойму я что-то, – нахмурился Иванасий. – То Ванюшей, то Афонюшкой меня называешь. Иванасий я, поняла? Так отец меня назвал. А наши деревенские кликали просто – Ванас. Иногда Ван. Ну да ладно уж. Афоня, вроде, хорошо звучит. Ванюша ещё милее. Ты меня лучше Ванюшей зови – сердцу так хорошо становится, когда ты этак говоришь.

Противиться Яга не стала:

– Будь по-твоему. Будешь ты, красавчик, у меня Ванюшей – милушей, – и снова рот до ушей. – Так знаешь, парень, про театр или нет?

– Угу, – Иванасий откусил полпирога величиной аж с две ладони. – Конечно знаю. Бывал я в городе. Правда, то было давно. Ещё меня отец возил – на рынок. Там балаган разбили и дурными голосами что-то кричали. Они были в обмотках каких-то, кудлатые-мохнатые. Я ничего не понял, а народ вокруг глаза от хохота пучил. И отец мой тоже веселился от души.

– Помню твой город, – Яга на время задумалась, глаза ее сделались грустными. – Тогда в нём вольготно людям жилось. И артисты бродячие частенько в него захаживали, – Яга печально вздохнула: – А теперь, Ванюша, в этот город только разное отребье и забредает: ворье всякого пошиба, насильники, грабители.

Иванасий видел, как быстро в лице меняется хозяйка дома. Нет, не черты её изменялись колдовским образом. Менялось её настроение. Только что синие глаза её грустили, и вдруг заблестели насмешкой.

– Ничего-то у вас, людишек, не задерживается. Только начинаете ладно жить, по-доброму, как тут же вам это надоедает, и полезла из ваших голов разная дурь. Вдруг судьбы в одночасье продажные стали, ростовщики откуда-то возникли, будто тараканы из щелей! Торгаши вороватые место честных купцов заняли, а блюстители порядка превратились в мироедов и обдирали! Ей богу недоделанные вы создания!

Всё вроде верно говорила Яга, да только, слушая её слова, наш Иванасий рассердился:

– А ты как будто рада этим переменам, – вмиг «протрезвел» он, вспомнив, что находится сейчас не где-нибудь, а под Кошеевой горой – вполне возможно вовсе не в гостях, а в самом настоящем плену. – Только и знаешь род людской чернить. А и что с тебя взять! Нечисть какой бы пригожей не прикидывалась – всё одно на сердце у неё зло затаилось!

– Дурачок ты, Ванюша, – простодушно отмахнулась Яга. – Вроде бы взрослый мужчина с виду, а на деле – совсем ещё глупый мальчишка.

– А ты видать очень умная! Как же! Колдунья дурой не бывает. Это я дурак: силу вражью в тебе не углядел – польстился на ласку чародейскую, – закипела в парне обида на самого себя: попался, дескать, как карась на крючок, как муха в паутину – нечистую силу за доброю деву принял.

Но Яга и виду не подала.

– Может я, Ваня, и вправду колдовать умею. Только ласка моя не чародейская. По сердцу ты мне пришёлся, по душе. Да, мне на самом деле почти триста лет уже от роду. Но я не нечисть. Нечисти, Ваня, вообще нет среди таких, как я. Вся нечисть – среди человек. И ты знаешь, о ком я говорю. А мы, кошки, добры и простодушны. Может, оттого нас люди по большей части и поубивали в бессильной злобе.

– Вас перебьешь, – буркнул Иванасий, невольно теряя вспыхнувшую было агрессивность. – Сколько ни травы вашего брата, а нечисти разной в степях да перелесках всё одно полно шастает.

– Не надо, Ванюша, не разочаровывай меня, соколик. Не будь я старше на целых три-четыре жизни человеческих – отлупила бы тебя в сердцах за оскорбление памяти погибших кошей. Но знаю: не от сердца ты ведешь столь злые речи. Ума у тебя просто не хватает. Как и у всех вас, людей маложивущих. Только добром своим внутренним ты меня к себе притянул... А кошки... Их ведь когда убивают, в ловушку загнанных, они, сердешные, даже тогда боятся поранить человека. Любим мы вас, дурачков. Больше себя любим, больше собственной жизни...

Не устоял Иванасий перед тихой речью бабы Яги – успокоился, пришёл в себя, забыл о вражьи чарах. Но сомнения в нём всё-таки задержались:

– Ну а ежели не чарами ты меня опутала, то как объяснить твоё столь быстрое превращение? Маску что ли сняла и горб? А голос почему из старушечьего в девичий превратился?

– А это, Ванюшка, уметь надо. Это, друг мой, искусство. Кабы знал ты о театре не как о балагане, понял бы меня.

Грусть, что звучала в голосе хозяйки, и впрямь не казалась Иванасию поддельной. Ему даже как-то неудобно стало: неверием своим тоску навёл на женщину, которая, кем бы она ни была, приютила его, обласкала, накормила, мужчиной по-настоящему дала почувствовать. Да и вдруг женщина эта никакая не прислужница Кощей, а просто одинокая отшельница, знающая толк в травах и умеющая ладить со зверями.

Думая сгладить хозяйкину грусть, Иванасий заинтересованно спросил:

– А зачем тебе, такой красивой и нежной женщине, какой-то старухой притворяться? Ловко у тебя это получается – ничего не скажешь. Только смысл в этом какой? Кто ещё кроме меня видел твой маскарад?

– Вот ты о чём, Ванюша. Дело-то в том, юноша, что в этих местах то и дело разбойники появляются. А они до молодых да красивых девок ох как охочи. Всё пристать норовят. И вот так всегда у вас, у людей, – снова отвлеклась Яга. – Как молодая да пригожая – так притягивается к ней всякая шваль, отбросы общества. А те, кто этой молодой, красивой да нежной, достойны – сидят себе посиживают где-нибудь в тени, не торопятся своё счастье найти. Вот ты, Ваня, к примеру. Чего так долго один оставался? Что, достойных тебя девчат рядом не было? Ни за что не поверю!

– Опять ты за своё, – поморщился Иванушка. – Что тебе до меня? Я ж о тебе спросил, не о себе.

– Ладно, ладно, соколик, не сердись, – снова улыбнулась Яга. – Гордый ты, смотрю, откровенный. Так вот. Дабы всякое отребье бандитское ко мне не липло и мне не пришлось бы применять то, что ты принимаешь за волшебство, то есть, не гневить Бога – я решила отбить им охоту с помощью маскарада. Сам ведь знаешь: старую да страшную и самые отпетые боятся. Была бы моя воля, давно бы я всем этим браткам мозги повправляла. Жаль, что нельзя. Вот и приходится в старуху даже ночью наряжаться. Они ведь, разбойнички удалые, и ночами шатаются здесь.

– Послушай, Ягуся! А какого рожна разбойникам здесь нужно? Нешто здесь караваны купеческие проходят, чтобы их ограбить можно было?

– Представь себе, парень, проходят. Многие думают, что, мол, у границ Кощевых владений поживиться нечем. Дескать, из-за страха перед злодеем никому и в голову не придёт под горой Кощей с товарами пройти. А купцы, представь себе, точно также соображают: раз все думают, что здесь никто не пойдёт, стало быть и разбойники сюда не сунутся. Значит, путь свободен. Страх перед Кощеем этот путь охраняет. И всё бы ничего. Только купцы язык за зубами держать не умеют.

– Напьются и давай друг перед другом хвастать: я, мол, под охраной самого Кощей свои товары из города в город провожу, на сильной охране экономлю. А разбойники везде свои уши да глаза имеют. Вот и поджидают иной раз здесь какого-нибудь богатенького простофилю. Два-три каравана пропустят, чтобы других не напугать. А следующий пограбят.

– При том как хитро они, подлецы разбойные, слухи об этом ограблении распустят! Дескать, баба Яга, костяная нога, над ними командир. Во как! Попробуй кому докажи, что это вранье. Тем более, что они, братки эти лукавые, ко мне на самом деле любят заглянуть – кваску холодного попросить. Недавно вот на берложника моего глаз положили. Захотелось им, вишь ты, жареной медвежатины. Я, разумеется, им такую острastку задала, что они потом повсюду растрепали про злобность и коварство Бабы Яги, черти эдакие!

– Понятно, – задумчиво кивнул Иванасий, машинально отхлёбывая из кружки горячего настоя. И вдруг словно спохватился, глянул Яге в глаза с проснувшимся внезапно интересом: – Всё-таки, Ягуся, никак не возьму я в толк, каким таким чудесным образом ты красоту свою сохранила. С одной стороны, как сердце мне подсказывает, сейчас передо мной ты в своём

истинном обличье. С другой – сомнения разум всё-таки преодолевают. Ежели тебе на самом деле триста лет, то почему такая несправедливость: все простые женщины уже в пятьдесят старыми кажутся, а ты – в триста молодка. Неужто совсем-совсем без колдовства обходишься?

– Совсем-совсем, Ванюша, – с серьезным видом кивнула Яга. – По крайней мере без того колдовства, о котором в народе думают.

Иванасий сделал вид, будто последнюю фразу Яги не расслышал:

– Может, хотя бы молодильные яблоки лопаешь?

– Какие ещё яблоки, бог с тобой, Афонюшка, – рассмеялась Яга. – Любишь ты, однако, сказки всякие. Да здесь, в горах, окромя дичков кислых и не водится ничего. А сохранилась я так хорошо, Ванюша, потому, что я, как и все другие кошки – не вашего, человеческого рода-племени.

– Это и так ясно, – бурчит Иванас, продолжая изучать Ягу пытливыми глазами.

– Ага, – как бы невзначай соглашается хозяйка. – Точнее, я человек, но другой, не такой, как ты и все остальные отрантурийцы. Сыны и дочери нашего древнего племени живут раз в десять дольше, чем нынешние люди. То есть, по нашим меркам мне сейчас столько же, сколько по вашим тридцать лет.

– Может, ты от меня родить собралась? – подшутил Иванасий, допивая настой.

– А вот это нет, дорогой мой, – Яга ответила серьезно и даже как-то печально. – Ни зачать, ни выносить, ни тем более родить я не могу. Не только я, но и все наши бабы, кто ещё жив. Это беда нашего племени, его катастрофа. Мы ведь не от Бога столь долгую жизнь получили. Мы действительно пили эликсир молодости. И те, кто нам начало дал, тоже в себе многое, как ты говоришь, наколдовали.

– Так все-таки было колдовство!

– Было, Афонюшка, – Яга вздохнула. – Но не то, какое ты себе представляешь. И тогда это называлось научным экспериментом. Мы, те, кто родился от «наколдовавших» в себе, стали действительно очень долго расти. В твои тридцать я внешне пятилетней девчонкой была, хотя владела силой, простым смертным неведомой. В сто я стала подростком, и только в сто пятьдесят меня начали сватать, думая, что мне всего семнадцать. Нам всем пришлось уйти в непролазные чащи, дабы людям глаза не мозолить. А двадцать лет назад мне сюда пришлось переселиться. Знаю, *что* спросишь. Затем, что Кощей меня вызвал.

– Так ты, стало быть, Кощею служишь? – глаза Иванасия вмиг похолодели.

– Так я и знала, – лицо Яги тоже сделалось строгим, непроницаемым. – Не хочешь мне верить. Я могла бы подчинить тебя только подумав об этом. Вам, простым смертным, такая сила не дана. Да, я владею колдовством. Но не придуманным вами, людьми, а реальным, научно объяснимым. Но я не хочу тебя неволить, Ванюша. Знаю, ты заблудился – думаешь о Кошее как о великом злодее мира. А это не так, Афонюшка!

– А кто он тогда, коли не злодей! – шипит Иванасий.

Их спор прервал сигнал медведя. Он рычал отчаянно и яростно, однако же не злобно. Так обычно предупреждают о готовности защищать родное логово до последнего.

– Погоди-ка, Ванюша! Незваные гости пожаловали, – тихо, но строго сказала Яга, жестом показывая, чтоб не вставал из-за стола. – Не двигайся, тогда он тебя не разглядит. По твою душу этот враг пришел, – и заметив, как Иванасий побледнел, попыталась его успокоить: – Да не бойся, я тебя не выдам. Подожди-ка, я с ним потолкую, чтоб он тут не задерживался долго.

Незванные гости

Солнце уже поднялось над верхушками деревьев, растущих у подножия горы. Облачившись в свой старушечий наряд, Яга колченогой походкой вывалилась из избушки и увидела... высокого двуногого кота – всё у него было человеческое, только морда оставалась кошачьей.

Поджидая хозяйку дома на каменистой тропе, гость принял подчёркнуто надменную позу, одной ногой опираясь о высокий, лежавший на склоне перед жилищем Яги, белый валун. Приглядевшись к незнакомцу повнимательнее, нельзя было сказать, что к человеческому телу прилепили голову кота: она органично вписывалась в его общий облик, даже изгиб рук и ног у него был особенный, чем-то едва уловимым похожий на котовый. Одет незнакомец был в чёрный блестящий комбинезон, приталенный точно по контуру тела. Руки-лапы же он надменно скрестил на груди, а глазами косил на висящий у пояса пистолет с ярко-белым стволом. Из-за спины котообразного существа с ехидной усмешкой выглядывал другой гость – с удивительно похожей на морду дикобраза физиономией.

Дорогу к избушке обоим загораживал медведь. Поднявшись на задние лапы, он яростно махал передними и устрашающе ревел.

Некоторое время гости и Яга внимательно смотрели друг на друга. Наконец Яга заговорила – старческим, дребезжащим, недовольным голосом:

– Ну и какого рожна ты сюда приволокся, Баюн?! Что тебе здесь надо?! Знаешь ведь прекрасно, что не любит тебя мой зверь, так ведь все одно прешься!

– Не ори, – котообразный с презрением перебил Ягу. – А тупую зверюгу свою приструни и вдругорядь сажай на цепь, да покрепче. А не то я просто выжгу ей мозги. Чтоб шкуру не портить.

– Напугал! Тоже мне, герой! Без пугача своего никуда не суешься. Посмотрела б я на тебя безоружного, как бы ты от берложника моего улепетьвал. А ну, сказывай, зачем явился! – замахала Яга клюкой, в которой, похоже, был тоже замаскирован «пугач».

– Ага! – сплевывает Баюн себе под ноги. – Будто сама не знаешь!

– И знать не хочу о твоих желаниях! – кричит Яга. – Достал ты меня уже вот как, – чиркнула она клюкой над головой. – Да ещё своих говнюков на меня насылаешь! Я, мотри, вот другой раз всыплю им горячих, так и знай.

– Ты мне, старая, зубы-то не заговаривай! – повышает голос Баюн. – Где ты спрятала этого ублюдка? Небось в своей развалюхе держишь его?

А дикобразоподобный мерзким скрипучим голосом поддакнул:

– Да! Что это там у тебя в окне мерещится?

– А ты бы вообще помалкивал! Мерещится ему! Прячешься коту за спину, а туда же – мерещится! – с издёвкой передразнила Яга.

– Так все-таки где он, тот, кого ты ночью приютила?! – Баюн решил перейти на тон делового человека. – Может, поладим с тобой на этот счет? Сама подумай: на кой ляд тебе сдался какой-то человечешко? Ему все одно каюк, а ты, укрывая врага Командора, подписываешь себе приговор. Отдай мне этого мужичка, и я ничего не скажу нашему повелителю.

– Ты и так ему ничего не скажешь, – зловеще изрекает Яга. – Не в твоих интересах, чтоб Кощей узнал об этом парне.

– Так он все-таки у тебя! – ловит Ягу на слове кот Баюн, делая шаг вперед.

Медведь ревет, намереваясь броситься на незваного гостя, Яга неуловимым движением останавливает его, а Баюн выхватывает пистолет.

– Попробуй выстрели! – шипит Яга, направляя конец клюки на Баюна (дикобразоподобный при этом охает и скрывается у Баюна за спиной). Ещё шаг, и я устрою тебе горный обвал! Камни точно на тебя упадут. А ну, проваливай, пока я не рассердилась.

Остановившись, Баюн усилием воли заставляет себя спрятать оружие и шипит, злобно вращая глазами:

– Как ты мне надоела, чертовка. Сжѣг бы я тебя вместе с твоей халупой, да Командор будет недоволен.

– Недоволен?! – восклицает Яга. – Не то слово! Ха-ха! Да он повесит тебя на первом же суку! За твои бесплодные яйца! – и громко, нарочито хохочет.

– Ну смотри, – Баюн разворачивает туловище, мордой продолжая смотреть на Ягу. – Найду я все-таки способ спеть прощальную стихирку на твоих похоронах. А медведя твоего береги, стерва, пуще прежнего! А не то полакомятся мои разбойники вяленой медвежатиной!

– Смотри, как бы свою прощальную песню тебе петь не пришлось, Баюн! А ну проваливай подобру-поздорову, пока пчел на вас не натравила. Мне их не жалко. На днях семья раздвоилась, так что на твою шкуру их хватит, – хихикает Яга. – А вздумаешь ещё раз прийти сюда – я устрою тебе очень теплый прием!

– Пока, – небрежно бросает Баюн через плечо, поднимаясь по склону. – До твоего приговора!

Баюн свистит. Из кустов появляется летательный аппарат, очень похожий на ступу, только вдвое большую, чем обыкновенно привыкли люди видеть у Яги. Оба прогнанных гостя залезают в эту ступу, и она с тонким свистом уносит их в только им ведомом направлении.

Иванасий тут же вышел на крыльцо.

– Ты куда! – испугалась Яга. – А ну живо назад!

Как бы в подтверждение ее опасений в козырек над крыльцом с грохотом ударил сверкающий заряд. Переломившись пополам, козырёк едва не свалился парню на голову, однако Яга успела-таки втолкнуть Иванасия в сени.

Ещё через минуту они снова сидели за столиком у окна, которое на этот раз Яга предусмотрительно закрыла ставнями изнутри.

– Нельзя тебе никуда уходить отсюда! – с жаром увещевала хозяйка полюбившегося гостя. – Не во мне дело! Мало ли что ты мне понравился! Я, Афонюшка, боюсь за тебя. Хищник этот ведь и с неба достать тебя способен. Он-то ведь знает, что ты здесь.

– Тогда тем более мне надо уходить! – упорствовал Иванас.

– Надо, надо, милый! Но не сейчас! Долго здесь тоже оставаться нельзя. Но дня три – четыре только здесь ты будешь в безопасности. А за это время я приготовлю тебе убежище, которое ему с месяц не найти.

– Ну а дальше что? – гнул своё Иванасий, чувствуя однако, что Яга права.

Да и, по большому счёту, не хотелось парню покидать столь скоро красавицу хозяйку и уютное гнёздышко.

– погоди, милый, я и сама пока не знаю. Но месяц – это срок! Что-нибудь придумаем с тобой.

Помолчали они, собираясь с мыслями, повздыхали, отходя от только что пережитого стресса. Наконец, уже тише и спокойнее Иванасий спросил:

– И что ж, так я и буду взаперти сидеть, впотьмах?

В ответ Яга зажгла свечку – сразу стало светлее, романтичнее, спокойнее. И продолжилась у них тёплая беседа.

Иванасий:

– Это хорошо, но... Дело-то мое стоит. Я с тобой здесь от Кошеевых легавых прячусь, а там земля людским стоном полнится. В Кошеевых подвалах пленники томятся. И среди них – Краса Ненаглядная!

Яга:

– Эх, Ванюша, не дело ты задумал. Не на верном ты пути, парень. Доброе у тебя сердце – о несчастных и убогих ты думаешь. Да только благими намерениями, Афонюшка, зло великое

вымащивается. Ты людям добра желаешь, а выйдет у тебя зло. А скорее, ничего у тебя, Ваня, не выйдет. Но ежели ты сейчас отсюда уйдешь, непременно попадешь к Баюну в лапы.

– Да кто такой, этот Баюн? Зачем я ему понадобился?

– Баюн – это, Афонюшка, самый страшный злодей. Вся беда в том, что Кощей ему доверяет. Пока, во всяком случае. А он, котюра эта алчная, интриган и подлец, каких свет не выдывал. Я его давно раскусила и поперк глотки ему встала. Он бы давно убил меня, да боится. Не столько Кощей, сколько меня самой и моих сестер остерегается. Я ведь, как ты понял, и одна отпор кому хочешь дам. Как вот и сейчас дала двум этим типам. А тебя, Афонюшка, Баюн хочет поймать, чтобы никто не рассказал о тебе Кощей.

Иванасий (удивленно):

– Ничего не пойму. Ежели он не хочет, чтоб Кощей прознал обо мне, стало быть он не враг мне, а друг!

Яга:

– Какой же ты наивный, Ваня. Али не знаешь пословицы «бойся незнакомца, который тебе в друзья набивается, пуще врага своего». Не могу я пока что растолковать как следует, почему Кощей не враг тебе, как и всем, кого ты жаждешь освободить от Кощей, но скажу, что Баюн – не человек. Он – кот. Но не из тех, к которым ты с детства привык. Он очень злой и коварный. А тебя он или убьет, или, того хуже, сделает подлым убийцей – будешь по его команде убивать исподтишка, на кого он тебе укажет. Поверь мне, я этого гада давно знаю.

Иванасий:

– Хочешь сказать, он меня заколдует?

– Вроде того. Хотя, не так заколдует, как ты думаешь.

Иванасий задумчиво хмыкает:

– Но пошто он не хочет, чтоб Кощей прознал обо мне?

– Недогадливый ты, Ваня, – покачала головой хозяйка дома. – Ведь ежели Кощей про тебя донесут, он тут же пошлёт за тобой, чтоб привели и представили пред очи его.

– И что? – не понял Иванасий.

– А ничего! Баюн знает, что ты человек добрый и не глупый. Не такой как все! А Кощей такому зла не причинит. Он любит вот таких наивных, верящих в сказки.

– Но, но! – обиделся было Иванасий. – С чего это ты взяла, что я в сказки верю?!

– Ай, Ваня! – снова улыбается Яга. – По тебе ж видно! Красу Ненаглядную из плена освободить, чтоб радость к людям вернулась! Кощей в честном поединке сразить! Разве не твои это мечты?

– Мои, – согласился Иванасий.

– Вот именно! Твои. А мечты и есть сказки, – умело ушла от спора Яга. – Словом, Кощей в таких как ты опасного для себя не видит. Но Баюн думает иначе.

– Стало быть, этот Баюн не дурак, – усмехнулся Иванасий.

– Подожди, Ваня, дай досказать. Не дурак, это не то слово. Он хитрец, каких свет не выдывал. Но в том, что ты опасен, даже и ему Кощей не убедить. Он боится, что Кощей тебя к себе приблизит и про все свои слабые места тебе с дуру разболтает. Ты его секреты выведаешь, но убрать тебя тогда Баюн уже не сможет, поскольку под Кощеевым глазом ты будешь неуязвим. Вот потому-то, Ваня, Баюн и стережет тебя под горой.

– Да, дела-а-..., – морщит лоб Иванасий. – На самом деле трудно разобраться в том, что ты понаболтала. Однако, что-то мне спать охота. Пожалуй, ты права. Не стану я покуда из твоей халупы уходить. Вздремну-ка лучше часок-другой.

Яга облегченно вздыхает:

– И то правда, всю ночь ведь мы с тобой не спали.

А дальше произошло то, что и должно происходить в подобных случаях. Хозяйка и гость встали из-за стола, подошли к кровати, установленной Ягой у дальней стены, и спокойно улеглись на неё, взявши друг дружку за руку...

Глава четвёртая. Таинственный мститель

Рано или поздно в любой истории появляется новый герой.

Герой, о котором спустя тысячелетия складывают целые легенды.

Но прежде чем узнать о нём подробнее, необходимо разобраться, что же всё-таки творилось в Отрантурии. Что там происходило до того, как объявился в мире злой Кощей?...

Страна Отрантурия

Государственное устройство Отрантурии в ту пору было неопределённым. Точнее, это нам, далёким потомкам отрантурийцев и всех остальных землян того времени сейчас кажется неопределённым то, что самим жителям Отрантурии казалось вполне понятным. Да, Отрантурия тогда была разделена на сорок самостоятельных в управлении территорий, которые современные историки без колебаний называли бы вотчинами. Или феодами, княжествами. Да и отрантурийцы их без колебаний называли ничем иным, как королевичествами. Опечатки здесь нет. Именно королевичествами, а не королевствами.

Королевством Отрантурия значилась до смерти отца сорока королевичей. Его величали королём, и всё в системе государственного управления было понятно и просто. Все государственные дела вершил его величество король. Правда, тогда его называли «Ваше владычество». Он, попросту, владел всеми землями Отрантурии от северных границ до южных и от западных до восточных.

Словом, командовал и распоряжался тогда в Отрантурии монарх. Но это был не просто единоличный властитель, силой стяжавший абсолютную и безоговорочную власть над гражданами страны. Прежде всего это был Отец, как любили его называть простые люди. Отрантурийцы своего короля не просто почитали, а именно любили. А раз любили, то, конечно же, не боялись. Правил он не силой, а умом и сердцем. То есть, короля тогда всерьёз считали вождём народа – справедливым, добрым, заботливым. А и какой ещё может быть вождь племени, которое едва-едва оправилось от страшной катастрофы, унесшей миллионы жизней?

Да, последний король Отрантурии среди своего народа пользовался заслуженным авторитетом, и народ не без оснований верил в доброго и справедливого монарха. А перед самой смертью король и вовсе «отмочил» – объявил все земли Отрантурии вольными. То есть, сказал он во всеуслышанье, отныне верховной власти вовсе нет, а местные властители – всего лишь охранители установленного порядка. А именно: каждое селение выбирает из числа своих жителей совет мудрецов, которому и вручает, так сказать, заботу обо всём населении. Верховные же правители территорий только следят за тем, чтобы никто на заведённый порядок самоуправления не покусился.

Мало ли что захотят отдельные отрантурийцы. Или какие пришлые из-за кордона люди, сознанием своим тяготеющие к неподчинению требованиям большинства.

Короче, всех наследников престола этот предсмертный указ последнего короля Отрантурии разом лишил законной власти над своими подданными. Впрочем, даже само понятие «подданный» сим решением отменялось. Одно слово – демократия. Дескать, народ сам разберётся, как ему жить, кому и на какие нужды собирать общественные взносы. Таким образом, в Отрантурии в одночасье возникли уделы и селения вольных пахарей-оратаев, вольных ремесленников и мастеров, вольных торговцев и охотников. И даже вольных следопытов. Зато сорок королевичей, то бишь сорок сынов короля, разом потеряли всякую надежду на абсолютную и беспрекословную власть. Вы, мол, отныне, просто судьи, подчиненные воле советов мудрецов, сторожа правил и законов, установленных народом

А теперь представьте себе, как на такую папашину «фишку» отреагировали его мальчишки, большинству из которых к тому времени стукнуло уже восемнадцать. Ведь они всерьёз готовились начать упорную борьбу за престол «всёя Отрантурии». Разумеется, большинство из них в ту пору даже мысли не допускали драться со своими братьями не на жизнь, а на смерть с помощью оружия и армий. Всё-таки они были братьями, хотя и рождёнными разными матерями. Да, у короля Отрантурии было сорок жён. И говорили даже, будто иметь столько жён королям было предписано с древности.

Почему именно сорок – никто не знал. А вот почему от каждой жены рождался только один королевич – об этом ходили слухи. Наиболее убедительным тогда казался слух о том, будто предки отрантурийцев, из числа сумевших пережить Потоп, предвидели, что их потомки будут жить при монархе. И очень беспокоились по поводу внутрисемейных распрей, которые непременно возникают, когда дети монарха власть начинают делить между собой. Вот и решили они, что если уж наступит время, когда без короля отрантурийцы не обойдутся, то пусть у него будет сорок жён и каждая пусть родит одного наследника.

Во-первых, вряд ли король сможет сделать своим любимчиком одного из сорока. Во-вторых, даже если он и передаст власть кому-то одному, другие тридцать девять не позволят ему нарушить древнюю клятву монарха – во всём слушать голос народа и своих братьев. А поскольку все сыны короля будут от разных матерей, живущих в разных уделах страны, то чувствовать себя все дети короля будут равными и никто не даст себя сделать игрушкой в чьих-то руках. Словом, такое правило позволит Отрантурии избежать воцарения тирании и монаршего беспредела. И жители страны по сути станут вольными, самодостаточными.

Так в начале и происходило. Пока сыновья росли, король-отец правил мудро и справедливо, не допуская необдуманных решений и жестокости даже к явно виноватым гражданам. Не было тогда в Отрантурии ни землевладельцев, ни князей с графами. Все перед королём и Законом были равны, а сам король искренне считал себя выразителем воли народа. Ведь он же был им искренне избран на престол.

Но братья королевичи, в большинстве своём, думали, увы, не так, как хотел король. То ли с воспитанием он что-то упустил, то ли общаться с сынами, жившими в разных уделах, ему было некогда (ведь нужно было возрождать пережившую катастрофу страну). То ли древние мудрецы, придумывая способ обеспечить страну надёжной защитой от диктатуры, где-то что-то недоучли. Короче, в братьях проснулась жажда первенства и власти. А поскольку отец не давал им в этом плане разгуляться, то короля они, по-видимому, в большинстве своём тихо не любили. И, наверняка, ждали, когда пробьёт его час.

И вот час пробил, а ожидания королевичей не сбылись. Ведь почти все из них всерьёз полагали, что перед смертью отец каждого назначит полновластным хозяином своего удела. Более того, общаясь друг с другом, пока выросли, королевичи твёрдо решили выбрать меж собой главного. У них, по сути, появился выдуманный ими же стимул к жизни – постоянное соревнование в мирной борьбе за первенство в Отрантурии. Которое наиболее активные из королевичей задумали, как эстафету, передавать своим детям. Ничего страшного, если сначала изберут не тебя. Жизнь длинная – ещё прорвешься к престолу. Есть к чему стремиться, на что жизнь потратить.

И тут на тебе! Папаня разом лишает их этого удовольствия, отменяя монархию как таковую. Что в этой отцовской затее в первую очередь увидели братья (к счастью, не все)? Сам поправил, а нам нельзя! Разве это справедливо?

И если при жизни отца королевичи его недолюбливали, то после смерти они его едва ли не проклинали. Кончилось всё тем, что каждый из королевичей прочно воцарился в своём уделе, назвав его королевством. Назвать-то назвал, да только вольные граждане страны восприняли это далеко не серьёзно. И тут же королевства переименовали в королевичества. Раз королевичи в них править задумали, стало быть и называть их уделы будем по их титулам. Какие же они короли? Кто их королями утвердил? Как были они королевичами, сынами старого короля, так и остались.

Короче, народ показал королевичам большую фигу. Пока королевичи в основной своей массе были юны, диктовать свою волю селениям в своих уделах они были не в состоянии. А когда они стали созревать для серьёзного применения силы против непокорных, между ними, как водится, возникли разногласия. Соберутся бывало королевичи на общую сходку, попируют, позабавятся – и давай ссориться. Повод и причина для этого всегда были универ-

сальны – кто кого круче. Официальных, то есть поддерживаемых народом войск у королевичей, разумеется, не было. Никто им ни до смерти отца, ни после неё не присягал.

Наоборот, старейшины и советы мудрецов во всех уделах заставили каждого королевича присягнуть Отрантурии, поклясться не жалея живота своего защищать интересы её вольного народа от всех возможных покусителей – и своих, и пришлых. Стало быть, за каждым королевичем закрепились чисто полицейские и оборонные функции. А поскольку король за свою долгую жизнь успел-таки перевести в Отрантурии всю разбойную нечисть и приучить разболтанных людей к порядку, то и дел особых для взрослеющих королевичей сразу не нашлось. Разве что мелкие дрязги в судах разбирать – кому это интересно!

Короче, от веселья королевичи постепенно перешли к разгулу, от разгула к петушиным наскокам друг на друга, от петушинных наскоков к самым настоящим баталиям. Не было у них законных войск, так они их создали, на вербовав под свои придуманные знамёна всех, кто ничего полезного для людей делать не умел, ничему не желал учиться, а в характере своём имел большую склонность к разгульной жизни.

Вначале у королевичей на службе были просто компании драчунов. Из самых сильных и глупых (глупые ведь всегда верны щедрому на угощения хозяину) чуть позже сформировались своего рода дружины. А точнее – братва. И уже потом, когда королевичи, возмужав, натаскались в драках и набегах друг на друга, им удалось выстроить свои собственные армии отпетых бойцов.

Не все из этих воинов оказались разбойниками. Даже, скорее, наоборот – большинство из них искренне верили в том, что служат правому делу, и бандиты – их враги. Но то, что, служа королевичам, их солдаты мало-помалу начинали на всех остальных граждан Отрантурии смотреть свысока – этот факт становился в стране всё более заметным.

Добропорядочные отрантурийцы, разумеется, понимали, в кого вырастают королевичи. Однако запретить королевичам создавать армии не смогли. Сначала, как водится, не придавали растущей братве каждого стража порядка особого значения: перебесятся, мол. Потом не хотели лезть на рожон и успокаивали себя умозаключениями типа «добрые воины-профессионалы для страны надежнее, чем гражданское ополчение из оратаев да ремесленников – пусть растут, рубежи защищают». А когда советы мудрецов и старейшин спохватились, было уже поздно.

Королевичи представляли собой столь грозную силу, что сердить их своими увещеваниями и ссылкой на старые законы стало просто опасно для жизни. Так и выросли королевичи в полновластных владык своих вотчин.

Настал момент, когда они откровенно объявили людям свою волю, вернув в обиход такое понятие как «подданный». Свободолюбивые отрантурийцы конечно же зароптали. Кое-где в стране вспыхнули даже восстания. Куда там! Королевичи и глазом не моргнули – натравили армии на народ, утопили восставших в крови.

Полгода, а то и больше жила Отрантурия в шоке. Больше всего сокрушались умные головы. Ай-ай, проглядели! Ай-ай, потеряли бдительность. Ай-ай, разучились защищать себя.

А тут ещё и нечисть всякая из-за кордона полезла. Выродки волчицы и сыны Уйтархатуга стали только малой частью вредоносных инородцев, полезших в Отрантурию после смерти последнего короля. Поняли тогда умные головы: разбаловал их всех король Отец. Был он жив, границы надёжно защищались – ни тварь ползучая, ни летучий дьявол не пересекали их незамеченными. Хотя и армия тогда была в основном призывная, народная – берегла она покой страны лучше любой профессиональной. Почему же эта армия после смерти отца-короля развалилась?

Сложный вопрос. Но хорошо известно, что в ту пору серьезных врагов у Отрантурии за кордоном не было. А вторгшиеся в страну спустя десять лет после смерти короля, на самом деле представляли собой просто плохо организованные племена да банды, не признавшие в своё время единых законов Отрантурии и вынужденные вследствие этого из Отрантурии уда-

литься. Последний король ревностно следил за прилегающими к границам Отрантурии землями. Нередко летучие отряды отрантурийских карателей уходили рейдами за пределы своей отчизны, стремясь прогнать любое подбирающееся к границам Отрантурии племя как можно дальше в глубины Тёмных территорий – так отрантурийцы окрестили все земли, окружавшие в то время Отрантурию.

После Потопа на этих необъятных пространствах не существовали никакие другие государства, хотя бы отдалённо напоминающие отрантурийское своим жизненным укладом. Только разрозненные орды одичавших людей и уродцев-мутантов, возглавляемые грубыми беспородными вожаками, бродили по бескрайним степям и пустыням Тёмных территорий. Ходили по Отрантурии слухи, будто далеко на западе в Тёмных землях живут страшные злые колдуны, нелюди-оборотни да разные чудовища, рыскающие по пустынным пространствам в поисках добычи.

К счастью, до Отрантурии им было не добраться, поскольку между землями этих монстров и Отрантурией лежала широченная бесплодная пустыня, преодолеть которую, не взяв с собой огромное количество воды, по сути, было невозможно.

Конечно, никто из отрантурийцев ни разу не видел таинственных обитателей далекого запада, и воспринимались эти слухи, по большому счёту, в основном как захватывающие воображение сказки. Впрочем, так же как и старинные легенды о древних людях, летавших, якобы, по небу синему на волшебных колесницах и сдвигающих с места волшебной силой целые горы. За кордоном отважные воины короля встречали только оборванных полуголодных дикарей, которые редко решались напасть на защищенных латами отрантурийцев и стремились убежать, едва завидев вдалеке стройные колонны всадников, вооруженных длинными пиками и острыми саблями.

Лишь сыны Уйтархатуга тогда могли всерьёз угрожать Отрантурии своими дерзкими набегами. Но королю все-таки удалось их утратить и даже договориться с их вождями о мирном соседстве. С тех пор, как сыны Уйтархатуга по договору с королём начали охранять рубежи Отрантурии на юго-западе, о вторжении каких бы то ни было разбойничьих ватаг отрантурийцам можно было спокойно забыть.

Народная армия Отрантурии с каждым годом становилась всё менее боеспособной и более миролюбивой, а сроки службы в ней постоянно сокращались. И когда король умер, в стране не нашлось умных и авторитетных людей, которые догадались бы и сумели сохранить и без того ослабевшую от мирной жизни народную армию. Беспечные отрантурийцы практически во всех уделах прекратили посылать на пограничную службу своих детей, считая, что в домашнем хозяйстве от них пользы будет много больше. Тем более они перестали бояться каких бы то ни было вторженцев из-за кордона, когда подростки королевичи принялись обзаводиться собственными гарнизонами.

К королевичам на службу шли те, кто любил и хотел носить оружие. Раз так, рассудило большинство вольных пахарей, мастеров и торговцев, то нашим сыновьям в армии делать нечего – дружины королевичей и без помощи ополчения разгромят любого врага.

Но случилось так, что, занятые ссорами между собой, королевичи почти прекратили охранять общие границы Отрантурии. Мало-помалу гонимые голодом орды инородцев осмелели – на просторах отрантурийских степей вновь появились набегники.

Возникла двойственная ситуация. С одной стороны, вольным жителям Отрантурии пришлось идти на поклон к королевичам – защитите, мол, родимые, кормильцев своих – чего, разумеется, нормальным вольнолюбивым гражданам очень не хотелось. А с другой стороны, королевичи вынуждены были сами взять свои уделы под защиту от чужаков, потому что, грабя вольных отрантурийцев, вторженцы грабили тем самым королевичей.

Закон прост и понятен даже самому тупому братку: чем больше чужаки отнимут у того, у кого можешь отнять ты, тем меньше достанется тебе. Всем королевичам и их браткам было

ясно, что оборонять селения в своих уделах им волей неволей придётся. Причем хорошо оборонять, глядеть, как говорится, в оба. На то оно и своё добро, чтобы никого чужого к нему не подпускать, даже если чужак этот – твой родной брат.

Так-то оно так, да только призадумались королевичи над тем, как их заботу о собственных богатствах, хранящихся в подвалах вольных жителей Отрантурии, перед этими самыми вольными гражданами обставить. По воле покойного отца все королевичи были обязаны служить на благо всей страны, защищая её от закордонных набегников и собственных отморожков.

А чтобы королевичи могли выполнять волю отца спокойно, вольные граждане должны были, во-первых, формировать и содержать народную пограничную армию, во-вторых, обеспечивать всем необходимым для полноценной службы королевичевскую стражу. И в специальной свитке, скрепленном королевской печатью, перечислялось, что именно следовало понимать под этим самым «всеми необходимым».

Ясно, что ни самих королевичей, ни их дружков, ни даже простых наёмных бойцов утверждённый покойным королем перечень не устраивал. В нём ведь не было ни вина в достатке, ни парного мяса вволю, ни дорогой и яркой одежды, ни золота с драгоценными камнями, ни тем более крепких парней и красивых девчат для потехи. И вообще, сама постановка вопроса – получать от народа содержание за добрую службу – избалованных и гордых королевичей приводила в ярость.

Словом, начали королевичи править в своих уделах единолично. Поначалу всё с точки зрения королевичей шло как надо: новые владыки назначали размер подати в казну с каждого селения столько, сколько считали нужным. За это они, конечно, с хозяйским рвением принялись очищать пределы Отрантурии от разных дикарей, пришедших из-за рубежей. Год или два в Отрантурии царил хотя и не привычный, но все-таки порядок. А потом?

А потом произошло то, что и должно было произойти при сорока правителях одной страны. Братья начали завидовать доходам друг друга. Зависть мало-помалу вылилась в набеги на селения соседей. Разумеется, отправляя своих бойцов в грязный поход на соседние уделы, королевичи всеми силами стремились сделать вид, что к нападениям на селения своих братьев они не имеют никакого отношения. Дескать, какие-то новые разбойники в стране объявились – безобразия!

Изобличить преступников наверняка бы удалось, если бы не одно «но». Королевичи в большинстве своём начали потихоньку, маскируясь под каких-то чужих разбойников, разорять селения не в своих уделах. Дело бы непременно дошло до большой гражданской войны между королевичами, не знай королевичи меры в своих разбойных делах. Более того, посылать на грабёж своих братьев они предпочитали не бойцов своих армий, а специально нанятых для этой цели бандюков. То есть, тех самых людей, которых в своё время прижал к ногтю покойный король.

И если кто-нибудь из этой вольнонаёмной братвы работал не чисто – разорил село и скрылся из виду – а вместо этого попался в лапы королевичевской стражи, его, конечно же, казнили при всём честном народе. Так у народа создавалось впечатление, что королевичи искренне заботятся о своих подданных. Только вот время какое-то в Отрантурию пришло беспокойное – выросло в стране потихоньку поколение беспредельщиков, которые не хотели работать, а посему жили грабежом и разбоем.

Многие грешили на мелких хозяев, которые перестали отпускать сыновей в армию из собственной жадности, да на слабые в коленках советы мудрецов, кои не пресекли столь порочную практику в самом начале её появления в Отрантурии. Что, в общем-то, было чистой правдой.

А через какое-то время королевичи и вовсе сообразили, что грабить народ с помощью нанятых и подконтрольных разбойников проще и выгодней, нежели выжимать с него подати

и сборы. Короче, один за другим королевичи отказались от завоеванного было у народа права руководить уделами единолично и снова объявили граждан Отрантурии свободными во веки веков. Как говорится в наше время, спустя семь тысяч лет после тех событий, аминь, дорогие друзья...

Предрассветный набег

...Едва нависла над землей ночная мгла, как из тёмной крепости, одиноко прижавшейся к мрачному лесу у подножия Чёрной горы, выползли чьи-то крылатые тени. Жуткими огнями зажглись в ночном воздухе страшные глаза невиданных чудовищ. Со стороны издалека и не понять – драконы это трехголовые или хищные птицы гигантские полетели на кровавую потеху. В злом сиянии Луны бежали по ночной степи огромные пугающие тени. И было их аж четыре...

...Быстро летом ночь проходит. Вот и заря зарделась над Вольным Прилесьем, где стоит в тишине у степной речушки большой поселок вольных пахарей. Вольных прежде всего оттого, что много лет подряд не знают жители поселка какого-то определенного хозяина, который бы в своих корыстных интересах защищал их от разбойного люда за дань из общинной казны.

Дома в этом посёлке сплошь одноэтажные и деревянные. И все, как один, окружены зелеными огородами. С одной стороны посёлок примыкает к речке, с другой – к перепаханному полю шириной в один перелет стрелы. С той стороны вдоль поля длинной узкой полосой тянется лесной массив.

Тихо рано утром в посёлке и вокруг него. Стражники, что дозорят обычно с трех башен, возвышающихся над поселком в центре и в его концах, в то утро беспечно заснули. И добро бы просто сладко захрапели на своих местах. А то ведь ни один из них не смог проснуться, когда пришёл враг. Ибо, выпив вечером халявного вина, уснули эти безголовые парни навечно.

Поле жители перепахали специально против конницы: по пашне для удара не разгонишься. Да только пашня этот поселок и сгубила. Неслышно конные разбойники выехали развернутым строем из леса. Мягко ступая по жирной земле, прошли кони по полю – никого не разбудив вторглась разбойничья ватага в поселок. И ни одна собака не тявкнула. Некому лаять оказалось: месяца за два до этого дня одна за другой подошли местные псы от неизвестной болезни. Слово кто-то незаметно для хозяев потравил их всех разом.

Но чу! Загоготали запертые в сараях гуси. Да поздно. Потому что пошли взлетать над кровлями сараев и домов красные петухи. С визгами и воплями выскакивали из объятых пламенем домов разбуженные люди. И падали, пронзенные стрелами, проткнутые копьями, порубленные саблями. Одеты в долгополые чёрные халаты с капюшонами, надвинутыми на глаза, молча носились свирепые всадники на вороных конях по улицам поселка, повсюду оставляя трупы стариков, убогих калек, здоровых мужчин, женщин постарше, а также толстых или просто некрасивых. Детей же, кроме грудных (тех старались вообще не касаться), юных хорошеньких девушек и красивых женщин ловили арканами.

Плененным крепко связывали руки за спиной, сгоняли их на площадь в центре посёлка. Всего за полчаса расправились разбойники с мирными жителями и подготовили к угону на продажу в рабство длинную колонну пленников, из которых не было ни одного хромого, косоглазого, толстого или убогого – все, как на подбор, молодые, цветущие, статные или стройные, как горные козочки. Все они дико шурились, глядя, как буйное пламя пожирает их семейные кровы, уничтожает их прекрасное прошлое.

И тут случилось невероятное. Лежавший в пыли здоровенный «мертвец» неожиданно взметнулся навстречу одному из чёрных всадников. Раздалось удивленное «ах» – разбойник свалился с коня, а место его тут же занял почти голый, в одних коротких, выше колен, широких спальных портках черноволосый мужчина лет сорока. Как он успел отнять у разбойника саблю – никто, наверное, не понял. А она молнией засверкала в его мощной длани.

Словно свирепый кентавр пронесся этот удивительный всадник по догоравшей улице, оставив за собой пятерых истекающих кровью бандитов – всех, кто попытался перехватить

«ожившего покойника». Пока остальные сообразили, что произошло, пока достали луки, наложили стрелы да натянули тетивы – всадника и след простыл. Попробуй разгляди его сквозь дым да огонь. И атаман, сгорая от стыда и гнева, послал в погоню десять лучших воинов.

...Вылетев из объётого дымом поселка, всадник спрыгнул с коня, на лету ловко шлепнув саблей плашмя по его крупу. Конь помчался между речкой и лесом вдвое быстрее, а полуголый богатырь кубарем покатился к заросшему бурьяном обрыву. Погоня не успела ещё показаться из клубов дыма, а мужчина сиганул с обрыва в реку и скрылся под водой. Вынырнул он у толстой стены камышей на другом берегу...

Десять чёрных всадников на несколько секунд остановились аккурат напротив того места, где беглец соскочил с коня. Солнце уже поднялось над горизонтом, а погоня направлялась на восток. Конь, на котором наглый беглец пустился наутек, в солнечных лучах был еле различим – невозможно было понять: налегке он скачет или с всадником на спине. Решив, что оставаться под носом у врагов беглецу не резон, разбойники молча помчались вслед за конем их погибшего брата...

...Ведя на поводу пойманного коня, погоня ни с чем вернулась к своим, когда гонимая врагами вереница юных пленников далеко позади себя оставила пепелище. Глава погони в сердцах соскочил перед атаманом с лошади и обреченно швырнул свою саблю наземь.

– Дешево отделаться хочешь! – прохрипел атаман зловещим шепотом. – Не выйдет! Всю лесополосу обшарь, весь камыш вдоль реки перебери, но сыщи мне его! Без коня далеко не уйдет.

Атаман махнул плеткой и продолжил путь. Глава погони подобрал саблю, вскочил в седло и махнул рукой в сторону пожарища:

– Если парень бросил коня, он непременно вернется к головешкам. Будет в них копать, искать свои семейные реликвии и ценности. Там мы его и возьмем.

Банда вместе с атаманом погнала пленников на восток, а десять братков поскакали к пожарищу. Едва они достигли восточного въезда в поселок, камыши у другого берега речки раздвинулись и над водой показалось лицо беглеца. Свирепым взглядом он проводил чёрные фигуры ненавистных всадников, скачущих по другому берегу речки.

...Дождавшись ночи, беглец поплыл близ берега по течению – на восток, куда рано утром ушла вместе с юными пленниками ватага лиходеев. Плыл, стараясь не шуметь, время от времени погружаясь в воду с головой. Луна была половинной, к тому же свет ее пробивался сквозь тучки, и это помогало беглецу оставаться незамеченным для погони. Впрочем, разбойники не рискнули разбиваться на малые группы. Пятеро из них с факелами в руках поехали среди деревьев по лесополосе на запад, а остальные сели в засаде, попрятавшись среди тлеющих развалин.

На пепелище было трудно дышать, но они упрямо выжидали, надеясь, что под утро беглец все-таки отважится вернуться к месту, где совсем ещё недавно стоял его дом. То одного, то другого разбойника донимал кашель, и атаман злобно шипел на них. Наконец, один из братков не выдержал и дерзко заявил командиру:

– Какого дьявола мы травимся дымом, когда и дураку ясно, что только полный кретин способен в такое время вернуться в спаленный поселок. Хорошо ещё, хоть ветерок приносит свежий воздух из степи, кха-кха. А то бы мы совсем здесь одурели от смрада.

– Идиот! – в ярости зашипел начальник отряда. – Теперь ты точно выдал нас этому бугаю!

– Перестань, Курбат, никакого бугая здесь нет и не будет, – перебил его другой разбойник. – Криворотый прав, кха-кха – нечего здесь попусту сидеть, если не хотим, чтобы нас живыми в землю закопали!

– Ладно! – командир вскочил. – Идите! Ищите беглеца! Где хотите! В реке, в лесу, в степи! Я и один его возьму, коли он сюда придет. А он придёт. И тогда можете хоть повеситься, хоть утопиться!

– Э, не пугай нас, Курбат! – прогудел третий бандит. – По твоей милости мы потеряли целый день. Могли б уже всю округу прочесать. А я так думаю: парень этот где-нибудь в камышах до темна сидел. И скорее всего у нас под носом.

– Под носом?! Что ж ты не поймал его тогда! Что ж вы вчетвером тогда рыскали вдоль берега туда-сюда! Перетрусили, вот что! – напустился на братков Курбат. – Поодиночке побоялись его искать, помня, как он у Шуваля саблю выхватил да пятерых зарубил в один миг!

– Посмотрим, как ты его в одиночку возьмешь, – усмехнулся четвертый из ватаги. – Мы пойдем на восток вдоль реки, с факелами, вчетвером. А ты сиди здесь, дыши гарью и отдыхай. Один чёрт, ходу в крепость нам нет. Не найдем беглеца, сами побежим – от Кудеяра и братков. Авось и нового атамана найдем.

– Пошли ребята, – хором кликнули друг друга четверо бандюков.

Запаливши факелы, они направились в сторону темневшего за пашней леса, где дремали, стоя, привязанные к деревьям лошади разбойников.

Курбат с досады пнул головешку, тут же разлетевшуюся тучей мелких искорок.

– Дьявол их задери, – буркнул глава погони, отправляясь вслед за братками.

Споткнувшись в темноте о чей-то труп, Курбат растянулся на земле, чертыхаясь и охая. И в тот же миг, получив по головушке, отключился.

Заслышав оханье своего начальника, разбойники остановились:

– Эй, Курбат, это ты там запинаешься?

– Что молчишь? – тревога зазвучала в голосе бандита.

– Ребята, – насторожился другой разбойник, – что-то мне это не нравится. Не покойник ли какой ожил, как тот первый?

– Посмотрим? – неуверенно сказал его приятель, выхватив из ножен саблю.

Переборов страх, братки решительно зашагали к месту, где минуту назад сидели вместе с атаманом. Факел «выхватил» из тьмы Курбата, ничком лежащего рядом с каким-то мертвецом. Ножны курбатовой сабли были пусты, а с затылка командира струйкой стекала кровь.

– Вот он! – вдруг дико заорал один из братков.

В свете факела мелькнула чья-то тень. Бородатые лица разбойников мгновенно наполнились животным страхом. Таинственный мститель пробирался посреди дымящихся развалин.

– К лошадям! Он бежит к лошадям!

Забыв о раненом начальнике, разбойники бросились в сторону пашни. Бестолково размахивая руками, они то и дело натыкались на обугленные бревна и чурбаки, рыча от ярости, тыкали впереди себя факелами, по щиколотку вязли в жирном чернозёме. Факелы снова выхватили из тьмы далеко опередившую разбойников фигуру человека. Станичники были ещё только на середине пашни, когда услышали ржанье одного из своих коней, а вслед за этим и мягкий топот копыт. И не одного коня, а всех четырех сразу. В мерцающем свете факелов разбойники увидели могучий силуэт всадника, за которым поскакали на восток вдоль пашни оставшиеся лошади братков.

Завыв точно волки, братки потянули из-за спин луки. Чтобы начать стрельбу, им понадобилось бросить факелы на пашню. И всадник тут же выпал у них из поля зрения.

– Идиоты! Да поднимите кто-нибудь свой факел, Змей Горыныч вас пожри! – заорал один из разбойников.

Три факела тут же были подняты, однако в свете их огней лишь хвост последней угнанной лошади и мелькнул. А топот копыт становился всё тише и тише. Самый меткий из братков, рыча, послал вдогонку несколько стрел, но ни одна из них не достигла цели.

– Влипpli! – беспомощно махнул рукой стрелок. – И когда это он успел связать поводья?!

– Он и не связывал, – хрипло ответил один из братков. – Он точно сел на жеребца Курбата, а наши кобылы завсегда за ним скачут, если их не придержать.

– Короче, пропали мы, ребята, – третий сказал это так спокойно, словно ответ перед атаманом ничего для него не значил. – Курбат убит, а беглеца теперича не настичь. Кобылы-то, конечно, от него поотстанут – мы их разыщем. Ежели он их в степи не прирежет. Токмо нам теперича тикать надо от атамана подальше.

Постояли немного разбойники, помолчали. И отправились вслед за своими кобылами...

Говорящие драконы

...Рассвет над степью, через которую осторожно пробирается одинокий всадник. Это тот самый голоногий воин, что похитил коня у разорителей посёлка вольных пахарей. Он скачет на восток, вслед за разбойничьей ватагой, погнавшей с пепелища здоровых, юных и красивых пленников. Всмотревшись в горизонт, богатырь вдруг натянул поводья фыркающего коня. Вдалеке в лучах восходящего солнца виднелись в небе две непонятные точки. Они быстро росли в размерах, преображаясь в гигантских птиц. Неожиданно эти птицы развернулись к одинокому всаднику боком, и парню сразу стало ясно: то не птицы, а драконы. Монстры стали медленно спускаться куда-то за поросший перелеском холм. Всадник подождал, пока драконы скроются за верхушками деревьев, и снова тронул коня, направляя в сторону лесистого кургана, когда-то выросшего посреди степи...

...Два дракона, размерами с небольшой летающий корабль каждый, барражировали над вереницей пленников, погоняемых конными бандитами. Задравши головы, дети и женщины дико визжали, а разбойники хохотали. «Ух ты!» – восклицали около десятка статных юношей из числа невольников.

В их голосах сквозил не столько страх, сколько восхищение: выходит, что не враки это – про драконов, с блестящей в лучах солнца чешуей. Чем ниже опускались чудовища, тем сильнее поднимаемый могучими крыльями ветер трепал волосы людей и одежду. Впрочем, на большинстве пленников трепать было почти нечего – разве что полупрозрачные ночнушки на женщинах и детях, да короткие подштанники на юношах. Зато чёрные плащи разбойников под этим ветром надувались точно паруса.

Не только сильный ветер, но и рвущий душу свист исходил от драконов. А из страшных, постоянно разевающихся пастей то и дело вырывались клубы пламени. Один из огненных шаров упал на траву – полыхнула полоса огня по сухому ковылю. Полыхнула и погасла, напорившись на сочные стебли бурьяна – только пар и повалил кверху. Все пленники, кроме рослых мальчишек, со страху ничком повалились на траву. Да и всадники зашарахались, когда чудовища из-под своих могучих туловищ короткие толстые лапы выставили и, плюхнувшись на землю, вспороли плоть её ужасными когтями.

Приземлившись, звероящеры прекратили размахивать крыльями – свистящий ветер, от них исходивший, постепенно затих. На полминуты воцарилась тишина. И вдруг один из монстров заговорил – страшным, трубным голосом, пробирающим до костей, пригибающим к земле:

– Сколько пленников ты нам доставил?

Целый сноп ярчайших искр полетел в сторону разбойничьего атамана.

– Девиц детородного возраста и тех, которые к следующей зиме повзрослеют – двадцать четыре души! Парней возрастом от шестнадцати до двадцати пяти годов – восемь человек! Детушек женского пола возрастом от пяти до тринадцати годов – восемнадцать, да мальчишек от шести до четырнадцати – одиннадцать! Итого шестьдесят одна душа! – стараясь не показывать страху, громко отчитался атаман, чуть отъехав в сторону от остальных разбойников.

– И только?! – грозно и надменно спросил дракон. – В этом поселке было больше ста особей, годных для отправки Повелителю Мрака. Куда ты девал остальных?!

– Как больше ста? Откуда больше ста? Там всего-то шесть сотен от грудных до дряхлых стариков жило! – в страхе завопил главный разбойник.

– Кто с нами спорит, тот горсть сухой травы не стоит! – торжественно протрубили монстры в один голос. – Кошей Бессмертный дал нам указание таких, как ты, уничтожать! Раз

воины твои убили тех, за кем вас посылали, – чудовища надвинулись на разбойников, поворачиваясь так, чтобы не задеть ничком лежащих пленников, – умри и ты, как бесполезный червь!

С отчаянными криками бандиты шарахнулись в стороны, намереваясь ускакать. Увы – извергнувшиеся из драконьих пастей потоки плазмы одного за другим настигли братков.

– Ну и дела! Ух ты! – хором воскликнули так и не упавшие ничком пацаны, на глазах которых все разбойники превратились в жалкие кучки пепла, разбросанные по выжженной земле.

– А вы все полетите с нами! – стихами протрубил дракон в сторону пленников. – Не бойтесь, не съедим! Нам Повелитель Мрака приказал вас всех к нему доставить. Не понятно? А ну-ка встали все и шагом марш на спины к нам. Там есть где лечь, чтоб не упасть в полете.

Со спин драконов развернулись веревочные лесенки, а наверху показались две кудлатые головы. Улыбаясь, мальчишки звонко закричали:

– Скорее поднимайтесь, здесь классно! Лучше у дракона на спине, чем в пасти, ха-ха-ха!

С вершины холма, из леса, голоногий воин видел, как драконы тяжело поднялись над степью, развернулись на северо-восток и, набравши высоту, улетели прочь от места, где только что сгорела по их воле добрая сотняжка бандюков.

Постоял богатырь на месте, помолчал, обдумывая то, что увидел: верить глазам своим или как следует ушипнуть себя? И тронул коня. Туда, в бескрайнюю степь, в дикое поле, на северо-восток его путь лежал...

Глава пятая. Сговор

А эту главу лучше читать, ничего наперёд не зная. Так будет интереснее. Тем более что про Отрантуру нам всем уже стало более менее понятно. По крайней мере мы теперь знаем, что она возникла хотя и после Библейского потопы, но задолго до бронзового века. Аномальное явление в истории, не правда ли? Но, как говорится, слухом Земля полнилась. А что такое слухи, как не отголоски правды? Да и бывает ли дым без огня – вопрос спорный...

Братья заговорщики

Амир Кривоглазый и Дарсин Лысый (то есть те из королевичей, что сами величали себя ясноокими да светловолосыми) дружить начали лет с пятнадцати. Хотя, по меркам самих же королевичей, дружба у них была сугубо условная. А точнее, не от души она была, их дружба. Не потому они дружили, что им это приятно было. А потому, что оба ненавидели остальных своих братьев. Другие же королевичи, в основной своей массе, даже не задумывались над тем, мил им кто-либо или не мил. И вообще не размышляли над вопросом, а чего они, собственно, в своей жизни добиться хотят. Правим, дескать, своими уделами, живём на всём готовом в своё удовольствие, дерёмся иногда друг с другом ради потехи, чужаков со своих земель сгоняем – чего ещё надо?

Разумеется, даже в этом простом неразумении братья лукавили. На самом-то деле все они очень не хотели, чтобы кто-то из них надо всеми возвысился и всех заставил себе подчиняться. Только создать иммунитет от этой напасти – возможности единовластия во всей стране – на это тридцать восемь братьев-королевичей оказались не способны. Честно говоря, они даже и думать над этим не хотели. Зато Дарсин с Амиром ночами не спали, ломая голову над сим великим вопросом – как найти верный способ всех остальных закабалить и сделать орудием своих замыслов. Отсюда и дружба их начало брала.

Надо сказать, дружба по такому несчастью – состояние зыбкое, нестабильное. Нередко братья ссорились так, что войной друг на друга шли – с кровью, стоном и пожарами. Потом они, как водится, соглашались на мировую и вновь продолжали плести сети заговора против остальных королевичей. Дарсин при этом был как бы в зачине. Амир всегда его боялся. Был он по натуре трусоват и подл – предать мог в любую минуту. Дарсин знал об этом. И потому держался за Амира обеими руками, понимая, что только с ним он может перехитрить и подмять под себя всех королевичей.

У обрюзгшего к сорока годам Амира, в отличие от сухощавого, жилистого Дарсина, было не мало слабостей, благодаря которым первым из этой парочки завсегда был Дарсин. Амир с детства любил пображничать и сладко покушать. А спорить с человеком явно сильнее себя не то что терпеть не мог – боялся. Больше всего он боялся потерять покой и аппетит себе испортить.

В годы, когда в Отрантурии объявился Кощей, Амир имел солидное брюшко и выбитый правый глаз. Одевался он уже не столь щегольски, как в юные годы, но богато: в собольи меха и яркую парчу. На лошади верхом катался редко, в основном ездил только на охоту. С братьями старался не общаться, но к Дарсину в гости навещался не реже трёх раз в месяц. Не только потому что Дарсин настаивал на частых визитах Амира. К старшему брату, которого Амир в глубине души немало боялся, его почему-то всё время тянуло. Странно, не правда ли? Бояться человека и в то же время иметь интерес общаться с ним наедине как можно чаще.

Впрочем, многие люди подсознательно всегда ищут дружбы с человеком более сильной природы. Без Дарсина Амиру становилось и скучно и мятежно одновременно. Словно он терял свой главный жизненный ориентир и не знал, чем заняться. Дарсин же, как говорится, всегда был при себе, отлично зная, что делать в данный момент. С Амиром он даже не советовался – просто обозначал перед ним сформулированную без его участия задачу и переводил внимание Амира на «расслабуху». А поскольку Амир имел особенность весьма заразительно пить и есть, Дарсину нравилось в его компании сытно и не торопясь поужинать, позавтракать и отобедать.

Ростом Дарсин был на полголовы выше Амира. И надо сказать, в габаритах оба брата-заговорщика уступали большинству королевичей, кои в основном получились либо высокие сухопарые, либо ростом выше среднего, но богатырского сложения, либо просто здоровенные и упитанные. Из сорока королевичей по меньшей мере тридцать видом были куда внушитель-

нее и ярче, чем Дарсин и Амир вместе взятые. Только вот какая странная штука вышла – мало приметные с виду заговорщики по сравнению с остальными оказались намного более заметными в разбойных делах и всяких злодейских выдумках.

И когда Кошей, внезапно объявившись, всем дружинам королевичей задал отличную трёпку, только Дарсин и Амир не струхнули. Вернее, виду не подали. В то время, когда основная масса королевичей в растерянности жаловались друг другу на боль и обиду, причиненные Кошеем, предприимчивая парочка обтяпывали дела одно за другим. Причём, никто в Отрантурии и знать не знал о подлом договоре, который Дарсин и Амир тайно заключили с Баюном. Да что там связь с Кошеевым выкормышем! Никто даже и не догадывался о том, что Дарсин и Амир преступно сговорились против всех своих остальных братьев.

Едва Кошеевы драконы спалили нанятую Амиром шайку разбойников, он в этот же вечер явился в усадьбу Дарсина Светлоголового. Старший брат ждал его. Разумеется, он уже знал, чем кончили амировы набегники. И ничуть не сожалел о случившемся. Наоборот, Амиру сразу показалось, что Дарсин злорадствует да ещё и не особенно это скрывает – ишь улыбается, будто язвит.

Но встретив сердитого брата, Дарсин тут же приказал подать только что зажаренного барашка, самого лучшего своего вина и больших сочных груш, кои Амир с детства обожал. Такой приём всегда действовал безотказно. Не подвёл он и в этот раз. Увидев красиво сервированные кушанья, Амир умаслился и подобрел. А выпив с братом на брудершафт и вовсе успокоился.

Братья уединились в плотно запертой горнице – в сером неказистом домике на заднем дворе поместья Дарсина. Устроенные в нём апартаменты явно не отвечали вкусам Амира, привыкшего к роскоши. Обставлены они были, прямо скажем, убого. Однако хозяина нищая скромность обстановки совершенно не смущала. Дарсин вообще всегда старался показать своему братцу, что, в отличие от него, не стремится к «пестроте», как он любил говорить на сей счет. А тот неказистый домик Дарсин считал самым надёжным и безопасным местом в своём хозяйстве.

Амир прискакал к Дарсину к ночи, а окна в горницу и без того были плотно закупорены кусками толстой кабаньей кожи. В горнице стоял уютный полумрак. Стол с едой, разложенной по блюдам из серебра, освещался десятком свечей, горевших в установленном в центре стола бронзовом подсвечнике. Тонкой работы был этот подсвечник – очень искусный мастер отлил его в форме тигра, изготовившегося к прыжку. Амир даже глаз на него положил, хотя и отлично знал, что Дарсин ни за что его не подарит и не продаст: слишком он для него дорог был, символичен.

Поначалу братья неторопливо ужинали в полном молчании. Амир опасался начинать разговор первым: вдруг рассердится Дарсин. Хотя в глубине души Амир и сам был зол на старшего брата. Уж больно ехидная улыбка застыла на его сухих и тонких губах.

Неожиданно Дарсин дружески хлопнул Амира по плечу:

– Не горюй, дружан. Вчера тебя пожгли, сегодня меня. Кто-то у нас обоих в большом долгу теперь.

Амир с удивлением глянул на Дарсина: и чего это он, шельмец этакий, так спокойно об этом говорит?

– Ты что городишь? – зло буркнул Амир. – Тебя пожгли! Разве не твои люди разорили тот поселок вольных пахарей?

– Ну, положим, это ещё вопрос – вольные ли они были, – Дарсин повернулся к подносу с жареным барашком и маленьким разделочным ножиком принялся сосредоточенно выпиливать кусок. – Это они так считали, что вольные.

Прямо ножиком он отправил себе мясо в рот, смачно сжевал его, потом, сглотнув, продолжил рассуждения:

– Независимые. А если разобраться, кто нынче и от чего независимый? Разве что от своей совести.

– Ага. И чести, – буркнул Амир, поднося ко рту бокал с вином.

Всё-то у него просто, у этого Дарсина. И ведь не придерёшься!

– То-то! – Дарсин многозначительно икнул, повернув острием кверху десертный ножик с кусочком мяса на конце. – К тому же задолжали мне эти свободолюбивые людишки крупную сумму – за охрану их полей от Кощея Бессмертного.

Амир фыркнул прямо в бокал, едва не разбрызгав вино:

– Ха-ха! Знаем мы, как ты любишь охранять от Кощевых набегников! Не твой ли Кудеяр ловил по деревьям разным красных девок с детишками да здоровых парней, чтоб продать баюновым отродьям?!

– А ты не смейся, не смейся, брат, – Дарсин и глазом не моргнул, даже жевать баранину не перестал. – Ежели бы не я, тех пахарей ещё лет пять назад кто-нибудь съел бы. Я на последней сходке круто сказал братанам, что земли Прилесья, которые ни за кем конкретно не числятся, беру под свою опеку – чтоб никто туда не совался. Так что пусть те так называемые пахари, ежели кто из них жив ещё остался, меня в одно место поцелуют. Я не против, если только мысленно.

Амир не выдержал – скривился:

– Да ладно! Тоже мне – головной пахан. Ты лучше скажи мне прямо: не Кудлатый ли сдал Улана Папаше? И что ты вообще думаешь насчет Папаши? Так и будем терпеть?

Тут же прекратив жевать, Дарсин вперился глазами в брата.

Тяжелого прямого взгляда Дарсина Амир страшился, как удара кулаком в челюсть. Поэтому он тут же отвернулся, сделав вид, будто просто потянулся к вазе с фруктами. С полминуты оба молчали, при этом гость напряженно хрустел крепким зелёным яблоком. Наконец Дарсин совладал с собой и ответил по-прежнему спокойно:

– Что касается Кудеяра. Во-первых, не тебе меня обвинять в двойной игре. Ты сам хорошенько вспомни все свои делишки за пределами твоей вотчины. Во-вторых, чтоб твоя душа была довольна – Кудеяра больше нет. Из всей его команды в живых осталось только десятеро. Так что никакой торговли с Баюном не получается, как ты сам понимаешь (после этих слов глаза Амира заблестели радостью. Однако он тут же постарался это скрыть). А в-третьих... В-третьих... А, насчёт Папаши! То бишь господина Бессмертного, – Дарсин прервался, чтобы съесть кусочек мяса и запить его вином. – Сходка когда была последний раз?

– Пять лет назад, зимой, – сухо уточнил Амир.

– Стало быть, этой зимой она опять... Короче, созываем внеплановую сходку. Там и поставим вопрос о Кошее. Что сходка решит, то и будем делать, – и немного покусав и попив, Дарсин загадочно заключил: – Только мы с тобой должны склонить их к одному.

– Война? – с недоверием и затаенным страхом в голосе спросил Амир после минутной паузы.

– Война, – уставившись на одну из свечек, медленно выговорил Дарсин.

Коварный план Дарсина

И снова пламя большого пожара. По улицам пылающих домов мечутся полуголые люди. Красный петух застал их тоже под утро и в постели. Снова всадники, сверкая саблями, ведут охоту на людей. Только теперь они в красных кафтанах и рогатых шапках. В жуткую музыку сливаются вопли их жертв. Отдельные мужчины пытаются сопротивляться, кидаясь на разбойников с дрекольем, топорами или просто вилами в руках. Но тут же падают под ударами сабель и стрел. Всё, как и в предыдущие разы.

Да только на согнанных на площадь юных и красивых пленников внезапно с неба падает большая сетка. Волшебным образом больше ста человек оказываются в этой сетке, которая начинает быстро подниматься в воздух.

Разбойничий атаман без удивления поднимает голову и видит гигантского дракона, который сетку с пленниками тащит в могучих когтистых лапах. От взмахов крыльев пламя на домах словно прижимается к земле, разгорается и гудит сильнее и сильнее. И вдруг настоящая стена огня выстраивается вокруг горящего поселка. Разбойники отчаянно воют и кричат проклятья, сбиваясь на площади бывшего поселка в кучу. Тонко ржут, почуяв близость смерти, лошади разбойников.

А с холма, что в полукилометре от пожара, всё это действие видится одним гигантским умопомрачительным костром, от которого дракон уносит в сетке кучу малу людишек. И смотрит на сие прощальное пожарище тот самый голоногий воин из поселка вольных пахарей Прилесья.

План Дарсин придумал простой и подлый. Амир в глубине души не хотел его принимать, но куда же ему было деваться. А состоял этот план в следующем.

Чтобы взять в Отрантурии верх, Дарсину требовалось не только сделать свою армию самой сильной, но и здорово ослабить армии остальных королевичей. Лучшим способом добиться этого во все времена считалось стравить противостоящие силы между собой. Но тридцать восемь королевичеств – это сила серьезная. Попробуй-ка страви хотя бы половину из них – пупок надорвёшь.

Древние мудрецы, что придумали священные заветы для потомков, всё рассчитали верно. Даже десять сынов короля в междоусобице способны полностью похоронить страну. Но сорок! В цифре этой противовес гражданскому побоищу заложен. Вероятность того, что большая часть королевичей погрязнут в бесконечных войнах друг с другом, при их общем количестве не менее сорока очень и очень мала. Войной увлекутся два, три, пять, шесть, ну семь королевичей. Остальные будут придерживаться нейтралитета и укрепят свои границы. Таким образом, основная часть Отрантурии сохранит свое население, имущество и запасы продовольствия.

А главное – никакой самый хитрый и настойчивый заговорщик ни при каких условиях не сумеет за свою короткую жизнь столкнуть лбами почти сорок своих братьев, оставшись при этом в стороне. Десять, пятнадцать, даже двадцать – ещё можно перессорить. Если иметь к этому гнилому делу великий талант. Больше тридцати – никогда.

Эту истину Дарсин понимал не хуже составителей священных заветов. К тому же он видел среди братьев и тех, кто, как он сам считал, на благородстве и равенстве были просто помешаны. В первую очередь Дарсин возненавидел за это качество королевича Алана, справедливо и по-доброму правившего северо-западным уделом Отрантурии.

Алан, один из самых юных королевичей (лет на 15 младше Дарсина и Амира), отличался не только романтичностью натуры и обостренным чувством справедливости. Прежде всего он был весьма проницателен и оперативен в принимаемых решениях. Дарсина он раскусил сразу, как только из мальчишки превратился в отрока. А если ещё и взять во внимание, что высокий, стройный, физический выносливый и умело фехтующий длинным рыцарским мечом Алан отличался небывалой храбростью (в одиночку был способен броситься на целую ватагу сынов Уйтархатуга или других бродяг), то и вовсе становилось ясно, почему Алан стал для Дарсина врагом номер один.

И не просто врагом, на которого следовало направить самый первый удар. А врагом, реально способным смешать все карты Дарсина с Амиром вместе взятые, включая и главные козыри. Ведь кроме всего прочего Алан обладал тем, что спустя тысячи лет потомки отрантурийцев обозначили словом «харизма». Народ удела, в котором он правил, Алана просто обожал.

Ну представьте себе: правитель молодой, статный, лицом красивый, нравом горячий, но при этом справедливый, благородный на деле, грамотный, со стариками и женщинами вежливый, с детьми и блаженными ласковый, добрый ко всему безобидному, о подданных заботящийся. Другим отрантурийцам о таком правителе оставалось только мечтать. Даже его младший молочный брат Елисар (так вышло, потому что у одной из жён короля-отца не оказалось молока), любимец не только народа, но и всех поголовно братьев (включая даже и Дарсина с Амиром) – даже он во многом Алану уступал. И в первую очередь уступал ему именно в харизматичности.

Впрочем, оказалось, что эта самая харизма вождя нужна далеко не всем гражданам страны. Елисар, будучи очень мягким и добросердечным, не особенно стремился управлять своим маленьким государством, почти во всех делах доверяя своим советникам и старейшинам. К двадцати пяти годам этот совершенно неконфликтный, ласковый «телок» весьма приятной наружности оставался сущим ребёнком, разные забавы для которого были куда важнее государственных дел.

Казалось бы, государство при таком правителе обречено быть растащено по дворам, ослаблено донельзя и при первом же нападении врагов развалено до основания. Да только королевичество Елисара, наоборот, не то что процветало – слыло самым сильным и богатым во всей Отрантурии. А сам Елисар являлся объектом всеобщего обожания и прославления. Безо всякой харизмы.

Конечно, такого дитяню никто не считал для себя хотя бы каплю опасным. Разумеется, Дарсин Елисару очень даже симпатизировал – самому «пацану», как он иногда говорил Амиру. Что же касается воеводы Елисара по имени Рикас (а по прозвищу Рикас Бесстрашный), то его Дарсин несколько раз тщетно пытался «перекупить» в свой удел. Рикас с гневом отверг все предложения Светлоголового. И Дарсин всей душой его возненавидел.

– Мальчишка, – говорил Дарсин в беседах с Амиром, – сам по себе красивое существо для услаждения души. Отбери у него удел, и он займет достойное его место подле братьев, как будто ничего другого ему никогда и не светило. Но этот бугай Рикас! Пока он жив и способен командовать армией, наш меньшей братишка настроен хорохориться будь здоров как.

В глубине души Амир не очень-то одобрял навязчивую идею Дарсина избавиться от Алана и вздуть Елисара, отравив как-нибудь предварительно Рикаса. Более того, перед Аланом он всегда робел. Но не как перед опасным и сильным врагом, а скорее как перед человеком, внушающим глубокое уважение. Возможно, Алан являлся для Амира неким символом противовеса навязчивой воле Дарсина, в психологическую зависимость от которого Амир попал. Как привыкшая к свежему мясу собачонка, не способная в силу своей природной слабости добывать вождленную пищу самостоятельно.

Елисар же просто не волновал Амира никоим образом, поэтому затею Дарсина всенепременно самого младшего братца «изловить» и заставить подавать вино к столу Амир воспринимал исключительно как откровенно глупую заморочку, не имеющую ничего общего с настоящим делом.

Но Дарсин считал иначе и на полном серьёзе. С его точки зрения выходило, что исчезновение Елисара из его удела непременно приведет королевичество в полное расстройство. Рикас обязательно бросится с войском разыскивать всенародного любимца монарха. Этим вполне могут воспользоваться сыны Уйтархатуга, коим Рикас успел хорошо насолить. В отсутствие воеводы с большей частью воинов они постараются разграбить и пожечь плохо укрепленные поселки и деревни королевичества Елисара. Столица королевичества недополучит огромное количество провианта и окажется на грани голода.

Вот тогда авторитет Рикаса среди народа серьёзным образом пошатнется. Возможно, дело дойдет до его отставки и гражданской войны в этом уделе. Глядишь – и одна серьёзная преграда на пути Дарсина к воцарению на престол «всея Отрантурии» сломается. Останется Алан, без призывов которого, по разумению Дарсина, прочие королевичи превратятся в стадо тупоголовых буйволов, коих можно запросто по отдельности разозлить и направить друг на друга.

Да, были среди сорока королевичей ещё несколько типов, способных воспрепятствовать осуществлению планов Дарсина Светлоголового. Дерниног Хмурый, к примеру, на всех сходах пытался Дарсина просверлить своими глазищами насквозь и даже потихоньку искал себе союзников для нападения на дарсинов удел. Дернинога можно было назвать даже агрессивным и наглым. Но Дарсин над всеми его потугами только посмеивался, потому как Дерниног с точки зрения Дарсина отличался «слоновьей» тупостью.

Определенную опасность представлял старший брат Обмерман (за глаза его звали Обмерман Камнеглавый: уж больно крепкой была его далеко не умная голова). Вместе с Дерниногом эти два хмурых и свирепых типа явно вели игру против союза Дарсина с Амиром. От набегов их выражено тупоголовой братвы селения уделов Дарсина и Амира страдали и зимой, и летом.

Дело доходило до откровенных сражений, проводимых по всем правилам военной науки. Но если Амир, получивши вести о вторжении Дернинога и Обмермана, закипал, как масло на огне, то Дарсин всегда считал, что в стычках с этими «унтер-пришибеями» его армия оттачивает боевое мастерство. Почти всегда Дерниног и Обмерман покидали владения Дарсина и Амира с позором. Но при этом, не стремясь что-либо в своих армиях изменить, через пару-тройку месяцев нападали вновь – всё также тупо и нагло. Словно терпеть поражение от войск своих братьев было для них в порядке вещей.

Впрочем, на пирах во время плановых сходов эти два бугая всегда терпели поражение от вина. Каждый раз их возлияния заканчивались долгим лежанием под забором сходочной крепости.

Гораздо опаснее этих двоих вел себя Кирпатый Буй, правивший северным уделом. Ибо он никогда не демонстрировал кому-либо своих чувств и не имел привычки лезть на рожон. Зато от него можно было запросто получить сильнейший удар в спину, особенно когда больше всего была желательна передышка. Кирпатый Буй умел как выжидать, так и нападать с размахом. Одно успокаивало в нем Дарсина – его было довольно легко обольстить и подкупить, и дальше сиюминутной выгоды этот коварный хитрец глядеть обыкновение не имел.

Как оценил Кирпатога Бую Дарсин, его расчетливость на нет сводилась коротким умом.

– Скажи Бую: завтра получишь сто динариев, и он всё выполнит, что попросишь. Но если пообещать ему миллион динариев через год – он и пальцем не пошевелит ради таких деньжищ», – говорил обыкновенно Дарсин Амиру про Кирпатога во время застольных разговоров.

Словом, Буй Дарсина не особенно беспокоил. Тем более что, как часто посмеивался Лысый (простите, Светлоголовый), Кирпаты́й бугай и у него самого имелся. Служил у Светлоголового Дарсина такой силач – начальником приграничной заставы. Его тоже звали Кирпаты́м. И хотя на самом деле это была кличка, а не родителями данное имя, все в округе были уверены, что Кирпаты́й он и есть Кирпаты́й. Бугай! В отличие от Буя. Парень едва не забыл своё настоящее имя – Панкрати́дар.

Впрочем, произносить его в слух этот сильный и умелый боец особенно не старался: слишком оно было выпенним. И к тому же не соответствовало истинному положению вещей. Какой из него был даритель всеохватной власти (пан – всеохватный, главный + кратос – власть + дар – дарить), если у него не было ни собственного удела, ни даже имени. Да и не стремился этот добрый по сути воин, призванный защищать Отрантуру́ю от закордонных набегников, к какой бы то ни было власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.